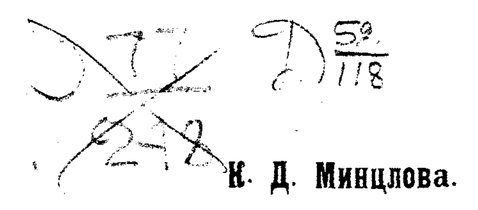
„БИБЛІОТЕКА ВСХОДОВЪ“.

К. Д. Минцлова.

ДАЛЕКІЙ КРАЙ

Путешествіе по Урянхайской землѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Разсвѣтъ“. Гороховая, 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Немного уже остается на свѣтѣ мѣстностей, неизвѣстныхъ европейцамъ.

Къ числу такихъ, еще почти невѣдомыхъ странъ относится ухороненный отъ всего міра снѣжными цѣпями горъ Урянхайскій край, занимающій центръ Азіи.

Край этотъ—родина одной изъ величайшихъ рѣкъ русскихъ—Енисея, спорящаго въ размѣрахъ съ Миссисипи.

Высокія горы его изобилуютъ золотомъ, мѣдью, азбестомъ, дающимъ матеріалъ для мягкихъ несгораемыхъ тканей, каменнымъ углемъ, желѣзомъ и другими ископаемыми.

Рѣки и озера полны рыбъ лучшихъ породъ; малочисленные туземцы—кочевые сойоты—рыбы не ѣдятъ, и она плодится въ краѣ во множествѣ.

Въ густой тайгѣ, покрывающей склоны горъ, водятся дорогіе пушные звѣри: соболь, лиса, куница, горностай, синяя бѣлка, медвѣди, рыси, волки, драгоцѣнные маралы,—все это таится въ немъ въ изобиліи.

Страна эта, пустынная и невѣдомо кому принадлежащая, стала въ послѣдніе годы привлекать къ себѣ взоры правительствъ всего міра.

Въ русской экспедиціи участвовала Ксенія Дмитріевна Минцлова, явившаяся первой женщиной-путешественницей, объѣхавшей весь Урянхайскій край.

Предлагаемая книга есть результатъ наблюденій автора ея, являющійся единственнымъ обозрѣніемъ на русскомъ языкѣ этого дѣйствительно «далекаго» края.

С. Р. Минцловъ.

I.

27-го мая около двухъ часовъ дня благоустроенный и просторный пароходъ „Россія", черезъ силу тащившій насъ трое сутокъ вверхъ по могучему Енисею, причалилъ къ деревянной и плохенькой пристани Минусинска—главному торговому пункту южной Сибири.

Сутолока, гамъ, крикъ и безтолковая толчея встрѣтили насъ на берегу: хлынувшіе съ парохода пассажиры быстро разбирали вполнѣ приличныхъ туземныхъ „ванекъ" и исчезали въ тучахъ пыли на дорогѣ.

Мы съ трудомъ размѣстились на двухъ пролеткахъ и покатили въ городъ; въ гостиницѣ мы заняли номеръ, оставили вещи и пошли осматривать Минусинскъ.

Вся жизнь и главная торговля городка сосредоточена на обширной площади; тамъ лучшіе магазины,

склады земледѣльческихъ машинъ, банки, правительственныя учрежденія и т. п.; въ базарные дни, дважды въ недѣлю, на площади бываетъ непроходимая толчея: всю ее заполняютъ ряды торгующихъ, возы крестьянъ и покупатели. Пустынный городокъ въ эти дни оживаетъ, шумитъ и волнуется до вечера съ тѣмъ, чтобы на другой день затихнуть и опять полууснуть до слѣдующаго базара.

Минусинскъ для проѣзжаго человѣка не интересенъ: нѣсколько деревянныхъ построекъ стариннаго типа, да Мартьяновскій музей — единственный въ мірѣ по богатству коллекцій бронзовой эпохи—вотъ и все, что имѣется въ немъ заслуживающаго вниманія.

Эти коллекціи, а также безчисленное множество кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ города, свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь жилъ когда-то культурный народъ; письменныхъ памятниковъ, кромѣ небольшого числа надписей на скалахъ, до сихъ поръ еще не разобранныхъ, отъ него никакихъ не осталось, и что это былъ за народъ, до сихъ поръ является загадкою.

Мѣстные курганы настолько обильны находками, что въ прежнее время здѣсь существовалъ особый промыселъ—туземцы отправлялись весной „курганить“, или „промышлять курганы“. Раскапывая ихъ, они находили въ изобиліи бронзовыя, серебряныя и золотыя вещи, переплавляли ихъ и дѣлили между собой, варварски уничтожая драгоцѣннѣйшіе памятники старины.

Въ настоящее время промыселъ этотъ запрещенъ, но случайныхъ находокъ много; сплошь и рядомъ

крестьяне выпахиваютъ самыя разнообразныя древнія желѣзныя, бронзовыя и мѣдныя вещи, иногда восходящія къ двумъ тысячамъ и болѣе лѣтъ до Рождества Христова.

Въ Минусинскѣ мы задержались на цѣлую недѣлю, такъ какъ необходимо было подготовиться къ дальнѣйшей экспедиціи и закупить консервы, макароны, чай и всякую „сухую" провизію на все лѣто.

Минусинскъ—это послѣдній культурный этапъ на пути въ пустынный и дикій Урянхай, и все, начиная отъ спичекъ и кончая сахаромъ, надо было везти съ собою.

Сто восемь верстъ до деревни Григорьевки можно было проѣхать въ экипажѣ, а дальше предстояло переваливать Саянскіе хребты при помощи верховыхъ лошадей.

Выѣзжали мы цѣлымъ караваномъ; къ намъ присоединились: переселенческій чиновникъ В. К. Габаевъ, ѣхавшій въ Усинское съ грузомъ матеріаловъ для строящагося въ Урянхаѣ города Бѣлоцарска, и жена горнаго инженера Порватова, Марія Ивановна.

Четвертаго іюня въ пять часовъ утра къ нашей гостиницѣ подкатили „коробки" (плетеныя корзины на дрогахъ безъ сидѣній); люди долго возились, подкладывали солому, подушки, узлы и въ концѣ концовъ смастерили для насъ нѣчто возможное для ѣзды. Мѣстные жители въ сидѣньяхъ не нуждаются: они садятся на дно коробка, вытягиваютъ ноги и проѣзжаютъ такъ, не уставая, сотни верстъ. У непривычныхъ людей отъ такого способа передвиженія болятъ и затекаютъ ноги, ломитъ бока и спину.

Необходимость создала этотъ въ высшей степени неудобный родъ экипажей: дѣло въ томъ, что сильная жара дѣлаетъ здѣсь передвиженіе днемъ почти невозможнымъ, и туземцы ѣздятъ ночью, устраиваясь въ коробкѣ, какъ въ колыбели, съ полнымъ комфортомъ.

Малорослыя степныя лошади-крѣпыши мчали насъ безостановочно семьдесятъ верстъ; послѣ перепряжки мы въ шесть часовъ вечера въѣхали въ деревню Григорьевку, гдѣ предполагалась ночевка.

Остановились на „земской квартирѣ" въ двухъ большихъ, чистыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ, со множествомъ цвѣтовъ на окнахъ. Сибиряки вообще большіе любители цвѣтовъ: въ ихъ просторныхъ, чистовыбѣленныхъ избахъ вы найдете ихъ множество.

Только что мы расположились всею компаніей за самоваромъ, изба наполнилась мужиками, пришедшими толковать о верховыхъ лошадяхъ. Габаевъ до хрипоты спорилъ и торговался съ ними и, подрядивъ ихъ по двѣнадцати рублей за лошадь до самаго Усинскаго, отпустилъ ихъ и присѣлъ къ намъ за дымившійся на столѣ ужинъ.

Переѣздъ до Уса занимаетъ пять сутокъ; проводникамъ платятъ только за одинъ конецъ, обратно возвращаются они порожнякомъ, и потому нельзя не сознаться, что плата за проѣздъ была баснословно дешевая.

Переночевали мы на нашихъ походныхъ постеляхъ великолѣпно; встали поздно, такъ какъ должны были на другой день проѣхать всего трицать пять верстъ, напились густого молока съ сибирскими шаньгами

Стадо яковъ.

(особыя булочки, облитыя сметаной) и блинами и часовъ въ десять утра двинулись дальше.

Ѣхали пока въ экипажахъ по недавно проложенному среди тайги шоссе. Оно доведено до тридцать седьмой версты; на тридцать пятой есть кое-какія служебныя постройки, и тамъ предстояла перегрузка на верховыхъ лошадей. Процедура эта довольно долгая, такъ какъ при каждомъ путникѣ шло по двѣ, по три лошади; каждая изъ нихъ подымаетъ, обыкновенно, не свыше четырехъ пудовъ.

Дорога вилась зигзагами по склонамъ горъ. Для прокладки ея сдѣлана просѣка въ тайгѣ; только немногія срубленныя деревья пошли на придорожные столбы, оставшееся же безчисленное количество ихъ навалено по обѣ стороны дороги въ хаотическомъ безпорядкѣ. Жалко было видѣть, какъ пропало громадное количество строительнаго матеріала, особенно стройныхъ многоохватныхъ кедровъ. Безжизненные трупы ихъ рѣзко подчеркивали красоту и мощность своихъ собратьевъ, гордо поднимавшихъ къ небу вершины съ зеленѣвшими на нихъ шишками. Эта часть тайги состоитъ почти исключительно изъ кедровъ, съ небольшой примѣсью ели и пихты. Вся дорога необычайно живописна: по обѣ стороны ея тѣснятся отвѣсныя горы, покрытыя лѣсомъ, слѣва громадный обрывъ, на днѣ котораго шумятъ блестящіе горные потоки, сначала небольшіе, но потомъ постепенно разрастающіеся и переходящіе въ горныя рѣки, гнѣвно и быстро несущія свои ледяныя струи.

Ямщикъ попался словоохотливый; онъ толково отвѣчалъ на вопросы и сообщалъ названія неизвѣстныхъ

намъ растенiй; такихъ попадалось намъ множество: высокая, почти въ ростъ человѣка, трава почти вся состояла изъ незнакомыхъ растенiй; яркими пятнами выступали среди нихъ крупные разнообразные цвѣты. Особенно эффектны были желтыя лилiи, какiе-то лиловые букеты и, наконецъ, кусты такъ называемыхъ Марьиныхъ кореньевъ—большихъ розовато-красныхъ цвѣтовъ, напоминающихъ зеленью и видомъ наши пiоны.

Мы поинтересовались сборомъ кедровыхъ орѣховъ.

— Плохiе сборы пошли! вздохнулъ ямщикъ: ужъ очень палы одолѣли! Палятъ у насъ лѣса по дурости по своей. Ѣдетъ кто дорогой, огонька достать понадобится, а въ кедрѣ сѣры (смолы) много, топоромъ кусокъ отщипнетъ, да костеръ разведетъ, чай себѣ сваритъ, напьется и дальше, а огня толкомъ не зальетъ; вѣтромъ его раздуетъ и пойдетъ полыхать—много лѣса вымахнетъ! И не дай-то Господи въ такой пожаръ попасть! Пришлось мнѣ разъ тайгою инженера съ барыней везти; золото въ Минусинскъ сдавать везли. Сталъ это насъ палъ нагонять: и лошадей подгонять не надо было: сами сердешныя, бѣду зачуяли, несли что соколы, а огонь за нами! Инженеръ весь вотъ какъ мѣлъ былъ, барыню все закрывалъ; жаръ непереносимый, лицо такъ и палитъ. Барыня на дно коробка легла, да съ головой вся укуталась... Огонь гудитъ, подгорѣвшiе кедры то здѣсь, то тамъ съ трескомъ валятся; и сверху горитъ и поземка идетъ..., жутко!. Сколько времени скакали, сказать не могу, а только Богъ спасъ; къ рѣкѣ выѣхали, ее перескочили, а тамъ огня ужъ не стало: она, матушка, огонь даль-

ше не пустила. Послѣ инженеръ съ барыней говорили—думали нарочно кто лѣсъ поджегъ, чтобы золото у нихъ ограбить!

А орѣхъ не кажинный годъ у насъ бываетъ, продолжалъ онъ, помолчавъ немного, а такъ черезъ годъ, черезъ два.

— Какъ же вы орѣхи собираете?

— А вотъ послѣ погоды *) съ мѣшками въ тайгу поѣдемъ, да сбитыя шишки и собираемъ. Иной годъ бываетъ, что кедровка (птица размѣромъ съ галку, шоколаднаго цвѣта) на орѣхъ, что туча налетитъ и до чиста всѣ орѣхи изъ шишекъ выберетъ. Прожорлива она; у ней, говорятъ, кишка прямая, ѣстъ, ѣстъ, а сытости нѣтъ—все наскрозь проходитъ!

— А почемъ у васъ въ урожайный годъ кедровые орѣхи продаютъ?

— Когда рубль двадцать, когда рубль тридцать за пудъ.

— А медвѣдей у васъ много?

— Много, безъ ружья никто въ тайгу не ѣдетъ; лѣтомъ еще тихо, а вотъ зимой къ самой дорогѣ подходятъ. Да вотъ тутъ неподалеку зимовье будетъ: рабочіе, что дорогу строили, прошлый годъ въ немъ большого медвѣдя убили. Ѣхалъ инженеръ мосты принимать, да въ зимовье зашелъ, переночевать хотѣлъ, анъ глядь—тамъ медвѣдь лежитъ, на зиму забрался, думалъ берлогу устроить; тутъ его и убили.

Позднѣе намъ довелось встрѣтиться съ этимъ „инженеромъ" и услышать отъ него болѣе подробный и вѣрный разсказъ объ этомъ происшествіи.

* Погодою въ Сибири называется сильный вѣтеръ.

Происходила пріемка проложеннаго участка дороги: техникъ Михайловъ отправилъ впередъ десятника, велѣвъ ему ждать своего пріѣзда около упомянутаго зимовья. Подъѣзжаетъ Михайловъ и видитъ стоитъ десятникъ на крышѣ надъ дверью съ топоромъ въ рукахъ; поза у него такая, словно бы онъ собирался оглушить кого-то этимъ топоромъ.

«Что за чудо! думаетъ Михайловъ: очумѣлъ что ли онъ?» Окликнулъ его. Десятникъ поднялъ голову и съ сильнымъ удареніемъ на „о“ прокричалъ: «Не ходите, здѣсь медвѣдь сидитъ»!

«Что за чушь», подумалъ техникъ, вылѣзая изъ саней и направляясь къ зимовью.

Позвалъ десятника снова, а тотъ въ отвѣтъ опять свое:—Не ходите, здѣсь медвѣдь сидитъ!

Михайловъ приблизился къ постройкѣ и уже занесъ ногу, чтобы ступить за порогъ, да такъ и застылъ отъ ужаса: на нарахъ, которыми пользовались рабочіе, лежалъ громадный черный медвѣдь и, понимая, что онъ попалъ въ ловушку, медленно качалъ головою.

Техникъ бросился обратно въ сани и покатилъ къ ближайшей партіи рабочихъ въ надеждѣ найти у нихъ ружье и выручить десятника. Ружье нашлось, но дробовое, а пуль ни у кого не оказалось. Поскакали дальше. Но сибирскій мужикъ страстный охотникъ и своей добычи упускать не любитъ. Обладатель ружья сплавилъ какимъ-то образомъ дробь и, устроивъ подобіе пули, помчался на выручку десятнику.

Медвѣдя они убили и, войдя въ зимовье, подивились сообразительности Топтыгина. Готовясь провести

время своего зимняго сна въ покинутомъ зимовьѣ, Миша постарался сдѣлать его теплымъ и уютнымъ: онъ натаскалъ моху и забилъ имъ маленькое оконце; другое, побольше, гдѣ мохъ у него, повидимому, не хотѣлъ держаться и все вываливался, онъ заложилъ сучьями и плотно задѣлалъ оставшіяся щели мохомъ и листвою; на нарахъ устроилъ себѣ мягкую постель, а около дверей сложить чурбаны и запасъ моха, ясно выдававшіе намѣреніе медвѣдя задѣлать на зиму и открытую дверь.

Михайловъ, много жившій въ тайгѣ, разсказывалъ и другіе эпизоды изъ таежной жизни. Приведу одинъ изъ нихъ, ярко рисующій безпечность русскаго человѣка.

Занимались рабочіе какими-то работами въ тайгѣ и жили на берегу рѣчонки въ шалашѣ. Всего жило вмѣстѣ человѣкъ пять-шесть, ружья ни у кого не было. Дня два-три прошли благополучно, какъ вдругъ однажды утромъ къ ихъ шалашу приблизилась большая медвѣдица съ пестуномъ и медвѣжонкомъ. Всѣ схватились за топоры и стали ждать, что будетъ дальше. Медвѣдица поравнялась съ шалашомъ, осмотрѣла его, понюхала воздухъ и, направившись съ своимъ семействомъ къ водѣ, принялась пить. Удовлетворивъ жажду, звѣри углубились въ лѣсъ и скрылись изъ виду.

Съ того дня семья Топтыгиныхъ держала по утрамъ въ плѣну обитателей шалаша, являясь ежедневно для утоленія жажды; только недѣлю спустя лѣсные отшельники добыли ружья и убили слишкомъ смѣлую медвѣдицу.

Пока мы бесѣдовали съ ямщикомъ, солнышко скрылось за тучей; вдали прогромыхивалъ громъ: погода начинала портиться. Ямщикъ подгонялъ лошадей, онѣ бѣжали дружно, изрѣдка пофыркивая; небо испещряли полосы шедшаго вдали и нагонявшаго насъ дождя; ясно было, что намъ отъ него не уйти.

Остановились и едва успѣли накинуть бурки, какъ упала одна, другая тяжелая капля, и дождь полилъ какъ изъ ведра.

Къ счастію, ущелье, въ которомъ ютились землянки и деревянныя постройки тридцать пятой версты, было уже недалеко. Насъ тамъ ждали. Габаевъ послалъ наканунѣ казака извѣстить о нашемъ пріѣздѣ, и намъ приготовили простой, но очень вкусный обѣдъ.

Дождь лилъ и лилъ; Габаевъ озабоченно возился съ казеннымь грузомъ, перепаковывая его изъ большихъ ящиковъ въ малые, мужъ гдѣ-то пропадалъ, а Марія Ивановна и я грустно поглядывали въ окно въ надеждѣ, что дождь прекратится и удастся побродить по тайгѣ.

Стемнѣло уже, когда дождь перестачъ, и всѣ мы оживились: безоблачное звѣздное небо обѣщало на завтра хорошую погоду. Съ боязливымъ чувствомъ ждала я поѣздки верхомъ: предстояло сдѣлать до с. Усинскаго сто шестьдесятъ верстъ и перевалить пять горныхъ хребтовъ: Больше и Мало-Ойскіе, Марковъ, Араданъ и Мірской. Я втайнѣ побаивалась, что силы измѣнятъ мнѣ. По-мужски я ѣздила мало, а Марія Ивановна, ѣздившая годъ назадъ къ мужу, пугала меня, говоря объ утомительности и трудности пути.

На ночь въ наше распоряженіе предоставили баракъ съ деревянными лавками, на которыхъ мы и расположились. Несмотря на то, что мужчины самоотверженно отдали намъ все, что нашлось мягкаго въ ихъ скромномъ багажѣ, и улеглись почти на голыхъ доскахъ, спалось намъ плохо, а проливной дождь, громко забарабанившій утромъ, совсѣмъ испортилъ намъ настроеніе: перспектива опять сидѣть въ баракѣ ничего заманчиваго не представляла.

Лошади понуро стояли подъ навѣсомъ, проводники поглядывали на небо и мрачно качали головою.

Рѣшено было переждать дождь.

Габаеву не сидѣлось; онъ то и дѣло выбѣгалъ на крыльцо, смотрѣлъ на небо и увѣрялъ, что въ горахъ погода вообще перемѣнчива и что ѣхать все же надо.

— Дождь можетъ зарядить на цѣлую недѣлю, говорилъ онъ, что жъ намъ все здѣсь и сидѣть?

То же самое говорилъ и подрядчикъ строющейся шоссейной дороги и въ подтвержденіе словъ своихъ показалъ намъ статистическія данныя ясныхъ и дождливыхъ дней въ горахъ за лѣто 1913 года; ясныхъ дней за этотъ промежутокъ времени было всего двадцать девять. Объясняется это тѣмъ, что высокіе горные хребты задерживаютъ своими вершинами тучи, которыя и проливаютъ на нихъ всю свою влагу.

Къ двѣнадцати часамъ стало проясняться; Габаевъ велѣлъ вьючить лошадей. Долго возились казаки и проводники съ грузомъ; надо было приладить все такъ, чтобы ни одна сторона не перевѣшивала другой и чтобы ничего не терло и не безпокоило лошадей.

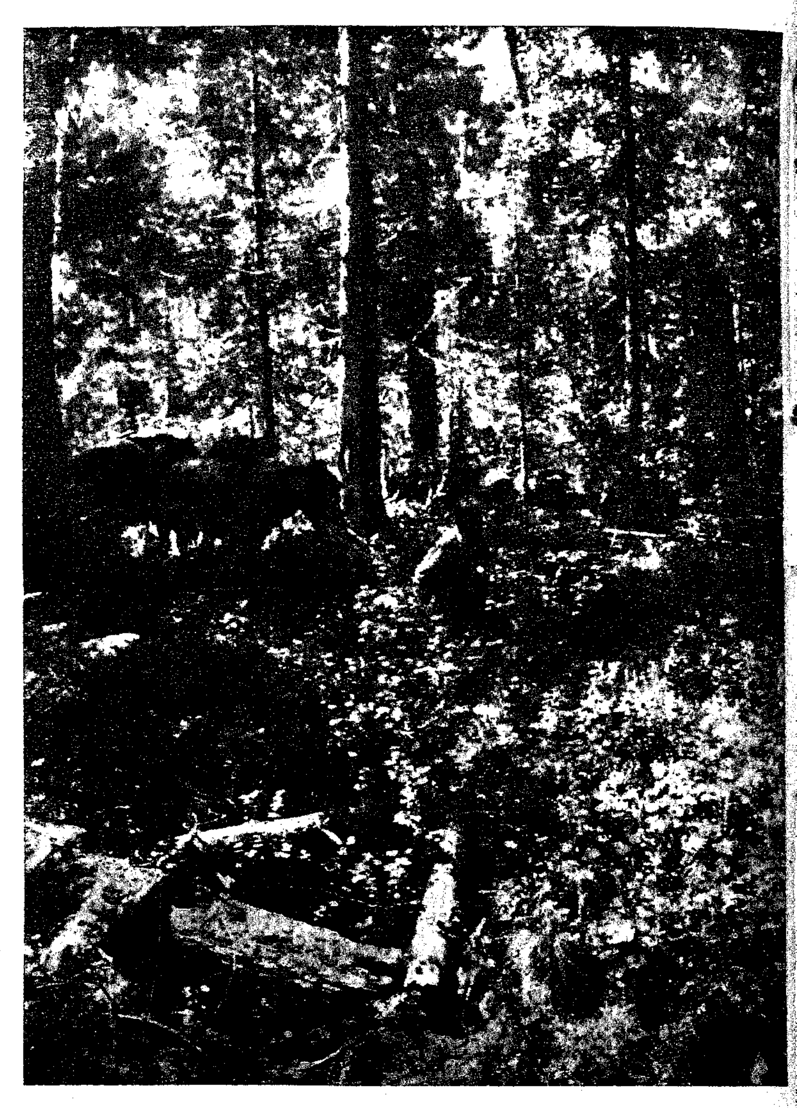
Когда съ этимъ было покончено, принялись сѣд-

лать верховыхъ. Пока налаживали подпруги, перетягивали по росту каждаго стремена, дождь полилъ снова, и казаки наши, Петръ и Павелъ, хлопотавшіе около лошадей, промокли насквозь. Караванъ съ грузомъ мы отправили впередъ, а такъ какъ съ нимъ ушло и сорокъ тысячъ казенныхъ денегъ, то нельзя было задерживаться и намъ. Мы съ мужемъ накинули на плечи бурки, Габаевъ надѣлъ какую-то черную тужурку, а Марію Ивановну облачилъ въ свою вязанную фуфайку, увѣряя, что она непромокаемая.

Ѣхать предстояло по вновь строящейся дорогѣ всего нѣсколько верстъ; невдалекѣ она прекращалась и смѣнялась такъ называемою „тропою". Горныя лошади, привыкшія ходить по тайгѣ гусемъ, не шли въ рядъ; ноги ихъ скользили по размокшему глиняному грунту, дождь лилъ, не переставая...

Версты двѣ ѣхали сносно, такъ какъ дорога была почти закончена; далѣе становилось все хуже и хуже: выемка горы, сдѣланная для прокладки дороги, то вдругъ суживалась, то на серединѣ ея оказывались кучи камня, которые приходилось объѣзжать; то и дѣло попадались глыбы плитняка и груды земли, образовавшіяся отъ земляныхъ работъ; мѣстами лошади вязли по бабки въ пропитавшейся водою глинѣ. Вездѣ попадались шалаши изъ древесной коры, гдѣ ютились рабочіе, прокладывавшіе путь и бездѣйствовавшіе по случаю ненастья.

Просѣка для дороги была сдѣлана верстъ на пятьдесятъ; мѣстами курились все тѣ же великолѣпные кедры, ставшіе въ полномъ смыслѣ слова „поперекъ дороги" человѣку.

Караванъ въ тайгѣ.

Ѣхать по нерасчищеной просѣкѣ стало невозможно: караванъ нашъ перебрался на „времянку“, узенькую дорогу, пересѣченную торчавшими исполинскими кореньями; скоро она перешла въ тропу. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ становились холоднѣй и тѣмъ болѣе чувствовалась близость снѣга.

Непромокаемая фуфайка Маріи Ивановны пропиталась насквозь, и у нея, что называется, зубъ на зубъ не поподалъ; наши бурки набрали воды и нестерпимо оттягивали плечи; ноги затекли и ныли. Въ глубокомъ молчаніи достигли мы наконецъ вершины перваго перевала и остановились залюбовавшись: кругомъ лежалъ снѣгъ, отъ котораго весело бѣжала во всѣ стороны серебряная сѣть ручьевъ; ниже они сливались вмѣстѣ, образуя сначала довольно большой потокъ, а затѣмъ и рѣку, шумно устремлявшуюся внизъ; кругомъ въ полномъ смыслѣ слова горѣло золотое поле изъ тысячъ огневиковъ; ихъ смѣняли лиловыя поля: громадныя, по величинѣ подобныя садовымъ Анютинымъ глазкамъ, фіалки сплошь усыпали скаты горъ.

Тропа, то поднимавшаяся по отвѣсной кручѣ, то сбѣгавшая съ нея, пролегла мѣстами по вязкому болоту, на которое заботливой рукой было брошено нѣсколько мокрыхъ и скользкихъ плахъ; лошади ступали по нимъ съ опасеніемъ. Скоро мы попали въ море травы, доходившей лошадямъ до брюха и обдававшей насъ крупными каплями.

Габаевъ увѣрялъ часа три назадъ, что мѣсто нашего ночлега близко, и послалъ впередъ казака, велѣвъ ему затопить печь; терпѣніе наше истощалось;

впереди, кромѣ ровнаго ската, ничего не было, и только, въѣхавъ на небольшой пригорокъ, мы увидали въ долинѣ еле примѣтныя новыя деревянныя постройки, предназначенныя для будущей станціи. Мы пріободрились, лошади прибавили шагу; остановились же мы, къ великому нашему разочарованію, около низкаго зимовья.

Какой-то человѣкъ, оказавшійся потомъ десятникомъ на вновь строящейся дорогѣ, привѣтливо пригласилъ насъ войти.

Мы переглянулись съ Маріей Ивановной: какъ счастливы были бы мы очутиться хотя бы въ томъ неудобномъ деревянномъ баракѣ, въ которомъ мы провели послѣднюю ночь! Но спросить ничего не рѣшались, боясь обнаружить свою „изнѣженность."

Бросивъ поводья лошадей казакамъ, мы вошли въ хибарку. Одинъ уголъ ея занимала большая русская печь, около нея стояла другая—желѣзная и жарко топилась; около стѣнъ ютились нары; маленькое оконце скудно пропускало свѣтъ.

Мы съ мужемъ отдѣлались сравнительно благополучно, но Марія Ивановна была мокра насквозь. Настроеніе въ теплѣ быстро перемѣнилось, мы острили надъ „непромокаемостью" вещей Габаева, и Марія Ивановна прекомично разсказывала, какъ во время большой половины пути чувствовала холодную струю, протекавшую по спинѣ.

Жена старшаго рабочаго предложила переодѣться въ ея платье, чѣмъ Марія Ивановна и воспользовалась. Ввиду того, что выходить на холодъ и дождь никому не хотѣлось, раздѣлили зимовье большимъ

платкомъ, повѣшеннымъ на веревку, пополамъ и занялись своимъ туалетомъ. Поснимали все мокрое и развѣсили сушиться, а сами принялись мечтать вслухъ, какъ пріятно было бы подкрѣпить чѣмъ-нибудь силы: ящикъ съ провизіей былъ отправленъ съ караваномъ, сильно поотставшимъ къ концу дня и, пришлось бы ждать его долго,если бы хозяинъ зимовья не предложилъ любезно все, что у него имѣлось: яйца, хлѣбъ съ чаемъ и мясо лося въ вареномъ и вяленомъ видѣ. Все показалось намъ необычайно вкуснымъ и всему мы отдали должную честь.

Поднялся вопросъ, гдѣ провести ночь?

Въ зимовьѣ жили двѣ семьи рабочихъ, состоявшихъ въ общей сложности изъ десяти человѣкъ, и вмѣстить въ него еще четверыхъ было немыслимо. Новыя постройки стояли еще безъ оконъ и дверей, но десятникъ обѣщалъ устроить насъ на ночь не хуже, чѣмъ въ гостиницѣ. Габаевъ побѣжалъ хлопотать, а мы, сидя въ теплѣ, начали было подремывать, вспоминая жесткія лавки оставшагося позади барака.

Уже смеркалось, когда Габаевъ наконецъ явился и предложилъ намъ перебраться на мѣсто ночлега.

Намъ приспособили одно изъ отдѣленій строящагося амбара, наскоро придѣлали дверь (оконъ совсѣмъ не было) и поставили посрединѣ желѣзную печь, трубу которой пропустили въ продѣланное въ потолкѣ отверстіе. Кроватями намъ должны были служить двѣ принесенныя изъ дома и положенныя на чурбаны двери.

Печь наша накалилась быстро, и температура нашей комнатушки превратилась въ пріятную; сонливое на-

строеніе наше усиливалось; мы разложили постельныя принадлежности и рѣшивъ, что утро вечера мудренѣе, заснули крѣпкимъ сномъ.

Пробужденіе было не изъ пріятныхъ: кто-то изъ казаковъ немилосердно стучалъ въ дверь, приговаривая:

— Шесть часовъ, пора вставать!

Было такъ холодно, что страшно было высунуть изъ-подъ бурки хотя бы руку.

— Что за безобразіе! возмутились мы съ Маріей Ивановной, узнавъ голосъ казака Петра; какъ онъ смѣетъ насъ такъ рано будить!

Мужчины тихо посмѣивались. Только, пріѣхавъ въ Усинское, они сознались, что сами съ вечера отдали распоряженіе пораньше будить насъ и не дѣлали этого сами, боясь нашей воркотни.

— Не смотрите на меня! кричалъ Габаевъ откуда-то изъ темноты, закуривая папироску и освѣщая свою всклокоченную голову. Не могу на такомъ морозѣ одѣваться, продолжалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ и сильно завозился въ своемъ углу. Черезъ нѣсколько минутъ громадная черная фигура его направилась къ печуркѣ, чиркнула спичка, весело затрещали дрова и освѣтили Габаева, укутаннаго въ одѣяло и растапливавшаго печь.

Мы переговаривались, поджидая, когда воздухъ нагрѣется, затѣмъ отвернулись, дали возможность мужчинамъ одѣться и, выпроводивъ ихъ, принялись одѣваться сами.

Вскорѣ появился казакъ Петръ съ чайникомъ ледяной воды изъ ближайшей горной рѣчушки и по-

далъ намъ умыться; за нимъ выползла неизбѣжная тѣнь его, казакъ Павелъ; онъ сталъ, улыбаясь, наблюдать за нашими дѣйствіями. Его наблюденія были прерваны Габаевымъ, приказавшимъ вьючить лошадей; все закопошилось, послышались голоса проводниковъ, фырканье коней, и черезъ полчаса караванъ змѣею потянулся въ гору.

Караванъ выступаетъ и идетъ всю дорогу въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди всѣхъ ѣдетъ проводникъ, за нимъ, гусемъ, вытягиваются остальные. Въ серединѣ каравана ѣдетъ второй проводникъ и, если караванъ ужъ очень великъ, нѣсколько погонщиковъ, наблюдающихъ за тѣмъ, чтобы лошади, часто останавливающіяся и щиплющія траву, не отставали; шествіе замыкаетъ погонщикъ, на обязанности котораго лежитъ слѣдить, чтобы не было отсталыхъ.

Мы выѣхали, напившись чаю, нѣсколько позднѣй, съ удовольствіемъ замѣчая, какъ пасмурный и холодный день сталъ постепенно разгуливаться. Ѣхать было скверно, тропа стала необычайно узкой и мѣстами терялась въ руслахъ горныхъ ручьевъ, по которымъ и приходилось ѣхать; за первымъ переваломъ начался спускъ, крутой и каменистый, приведшій насъ къ руслу довольно большой и очень быстрой горной рѣки.

— Ваше благородіе! раздался вдругъ голосъ Петра, ѣхавшаго позади всѣхъ, а вѣдь мы сегодня будемъ ту рѣчку проѣзжать, гдѣ казаки полковника утопили!

— За что же потопили? заинтересовались всѣ разомъ.

— А ни за что: переѣзжали рѣку—ее и мы переѣзжать будемъ,—у него сѣдло на бокъ и свернись;

хотѣлъ онъ за гриву задержаться— не успѣлъ; вода сильная, подхватила его да объ камни; гнались казаки за нимъ, да только мертваго ужъ много ниже вытащили!

Нѣкоторое время всѣ ѣхали молча.

— Какъ-то мы эту рѣчку переѣдемъ? задала я вопросъ мужу.

— Да вы, барыня, не бойтесь! вмѣшался Петръ; черезъ ту рѣку теперь мостъ есть, а вотъ сейчасъ другую переѣзжать будемъ,—она тоже сердитая! Габаевъ, ѣхавшій впереди, уже въѣзжалъ въ эту минуту въ неширокую, но быструю рѣчонку.

Вода была такъ прозрачна, что ясно виднѣлись малѣйшіе камни на днѣ, и воды въ ней, казалось, было не болѣе какъ на четверть. Я смѣло послала впередъ лошадь, она ухнула сразу по брюхо, замочивъ мнѣ амазонку и сапоги, и ее стало сносить теченіемъ. Я немного струхнула.

— Не смотрите въ воду! кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ: голова закружится! но мой конекъ уже выносилъ меня на берегъ.

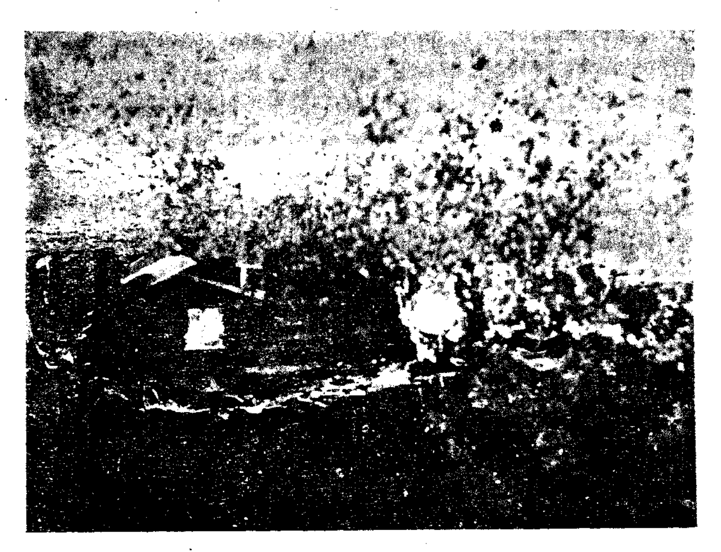
Всѣ, перебравшись, вздохнули съ облегченіемъ и замечтали о предстоящей остановкѣ.

Уѣхавшіе раньше насъ вьюки поджидали на живописной, лѣсной полянѣ; лошади были разсѣдланы и щипали траву, а проводники, сѣвъ въ кружокъ, съ аппетитомъ попивали чай изъ своихъ деревянныхъ чашекъ.

Мы соскочили съ сѣделъ и съ наслажденіемъ разминали ноги.

Петръ и Павелъ возились около костра, приготовляя чай.

Закусивъ и отдохнувъ, двинулись дальше. Габаевъ подгонялъ: надо было проѣхать въ этотъ день верстъ шестьдесятъ, а Марія Ивановна и я чувствовали себя уже разбитыми.

Зимовье.

Марія Ивановна попробовала было итти пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу, но ноги вязли и разъѣжались въ размытой дождемъ почвѣ и она принуждена была снова сѣсть на лошадь.

Приходилось переѣзжать черезъ безчисленное множество горныхъ рѣчекъ, представлявшихъ сплошные каскады, сердито ревѣвшіе и пѣнившіеся; мѣстами они

несли вывороченныя съ корнемъ деревья и нагромождали цѣлыя кучи поломанныхъ стволовъ. Ѣхали долго, не останавливаясь до поздняго вечера, такъ какъ проводники не находили удобнаго мѣста для ночного выпаса коней.

При переѣздѣ черезъ горы лошади идутъ все время на подножномъ корму: небольшіе вьюки при крутыхъ перевалахъ и безъ того сильно отягчаютъ ихъ, и брать съ собой овесъ для нихъ является невозможнымъ. Поэтому мѣста для ночевокъ выбираются обыкновенно съ хорошей травой и непремѣнно около воды.

Сибирскихъ лошадей кормятъ совсѣмъ особымъ образомъ.

У насъ лошадь послѣ работы получаетъ сейчасъ же сѣно и затѣмъ, когда остынетъ,—воду и овесъ; въ Сибири лошадь должна обязательно до и послѣ ѣды „выстаиваться". Если ямщикъ знаетъ, что лошадь его должна въ восемь часовъ утра итти въ дѣло, онъ къ тремъ-четыремъ часамъ ночи заканчиваетъ кормежку ея, и она выстаивается, привязанная къ столбу, вплоть до часа отъѣзда; то же самое бываетъ и по возвращеніи. Если лошадь приходитъ послѣ поѣздки и ямщикъ знаетъ, что черезъ часъ-два она снова должна итти, онъ совсѣмъ не кормитъ ее, и намъ приходилось ѣздить на лошадяхъ, которыя болѣе чѣмъ по полусуткамъ оставались, что называется, безъ крохи во рту. Удивительно, что здѣшнія лошади при такомъ способѣ кормежки идутъ свободно семьдесятъ-восемьдесятъ верстъ при сорока градусной жарѣ совершенно сухія.

А вотъ покорми ее и не дай выстояться, говорятъ мѣстные жители, съ пятой версты смокнетъ!

Позднимъ вечеромъ остановились мы на берегу рѣки. Было холодно и сыро; поднявшійся туманъ окуталъ горы: разложили костры, и неразлучные Петръ и Павелъ начали ставить палатки. Первая ночевка въ нихъ была болѣе, чѣмъ неприглядна.

Всѣ забрались сначала въ палатку Маріи Ивановны и расположились тамъ пить чай и закусывать.

Павелъ, проявлявшій нѣкоторыя кулинарныя способности и варившій намъ ранѣе супъ изъ телятины, получилъ два фунта макаронъ съ разъясненіемъ, какъ ихъ варить. Съ улыбающейся физіономіей онъ принялся за дѣло и черезъ полчаса доложилъ, что макароны готовы; ему велѣли положить масла и подать. Нашъ поваръ ввалилъ въ нихъ все имѣвшееся у насъ съ собою масло и подалъ необыкновенно вкусное кушанье.

Густой туманъ висѣлъ кругомъ; желтыми пятнами выступали изъ него разложенные „подъ кедрой“ костры нашихъ людей. „Кедра“ является хорошей защитой отъ сырости и холода; густая хвоя ея не пропускаетъ дождя, и вотъ почему таежные путешественники всегда выбираютъ ее для своихъ ночевокъ. Лошади, пофыркивая, щипали траву; темная, таинственная тайга молчала.

Несмотря на поэтичность обстановки, мы скоро разошлись и, дрожа и ежась, влѣзли въ наши походныя отсырѣвшія постели.

Рано утромъ мы были разбужены галопомъ про-

скакавшей мимо лошади и криками проводниковъ: они вьючили лошадей.

Въ этотъ день предстояло перевалить черезъ самый высокій хребетъ Саянскихъ горъ—Араданскій. Ѣхали, какъ и первые дни, по тропѣ, пролегавшей по крутымъ откосамъ, переѣзжали ручьи и рѣки, и дневной привалъ сдѣлали въ попавшемся намъ на дорогѣ зимовьѣ. Поѣли какой-то бурды изъ сушеныхъ грибовъ и ветчины и, не задерживаясь, поѣхали дальше.

Еще задолго до Арадана начала чувствоваться близость его: температура сильно понизилась, мѣстами сталъ попадаться снѣгъ, а на вершинахъ хребта ясно вырисовалась проведенная, какъ по линейкѣ, предѣльная линія лѣса, за которой не было ужъ никакой растительности.

На вершинѣ Арадана снѣгу лежало много; почти отвѣсный подъемъ заставилъ насъ слѣзть и вести тяжело дышавшихъ лошадей въ поводу; на самой высокой точкѣ перевала торчалъ, перегораживая тропу, громадный камень; черезъ него надо было перебраться. Даже пѣшему какъ-то жутко въ этомъ мѣстѣ: тропа такъ узка, что лишь одинъ человѣкъ или конь съ трудомъ и осторожно можетъ итти по ней, какъ по карнизу, надъ головокружительной пропастью; сорвись— и все кончится для тебя въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!

Съ трудомъ вскарабкалась я сначала на небольшой выступъ, затѣмъ на верхушку камня и принялась тянуть за узду лошадь. Она встала колѣнями переднихъ ногъ на выступъ, затѣмъ долго подгребалась и цапалась задними и наконецъ выбралась наверхъ. Моментъ, когда лошадь безпомощно цапалась за го

лый камень копытами, казался мнѣ вѣчностью, и вздохъ облегченія вырывается невольно у каждаго, благополучно миновавшаго это опасное мѣсто.

Съ Арадана видна громадная долина, замкнутая со всѣхъ сторонъ горами; на нихъ бѣлѣлъ мѣстами снѣгъ, мѣстами разстилался богатѣйшій коверъ цвѣтовъ, темнѣла красавица-тайга, за которой простиралась полоса обнаженныхъ скалъ; внизу, у нашихъ ногъ, на днѣ пропасти подъ большой скалой, темнѣло горное озерко съ зеркальной поверхностью. Погода была ясная, и мы долго стояли, любуясь великолѣпнымъ видомъ.

Вьюки прошли не такъ благополучно; двѣ лошади, перетянутыя тяжестью ихъ, сорвались и неминуемо упали бы, если бы не навыкъ и опытность проводниковъ, сумѣвшихъ во время подхватить и удержать ихъ веревками.

Мнѣ отъ души было жаль бѣдныхъ животныхъ, безропотно несшихъ на своихъ спинахъ тяжелые ящики и ложившихся на привалахъ тотчасъ по приходѣ, не дожидаясь разгрузки. Какъ должны были онѣ уставать, когда мы, только сидѣвшіе на спинахъ ихъ, чувствовали себя вечеромъ совершенно разбитыми!

Ночевали на этотъ разъ въ просторномъ, только что исправленномъ зимовьѣ.

На пути изъ Минусинска въ Усинское содержаніе зимовьевъ ложится повинностью на окрестныхъ жителей, обязанныхъ содержать ихъ въ полномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію находятся настолько дикіе люди, что, не стѣсняясь, разрушаютъ ихъ, вырубая полы, притолоки, нары и употребляютъ все это на дрова, не-

смотря на то, что кругомъ тайга, полная сучьевъ и чего угодно на топливо.

Мы размѣстились великолѣпно и спали крѣпкимъ сномъ, пока тотъ же несносный Петръ не принялся немилосердно барабанить въ дверь; положительно ему доставляло удовольствіе насъ будить!

Рѣдко приходилось мнѣ видѣть болѣе симпатичныхъ и дружныхъ солдатъ: все у нихъ спорилось, все они дѣлали вмѣстѣ; названные въ честь святыхъ, память которыхъ празднуется въ одинъ день, они и имена свои повидимому считали общими, такъ какъ откликались безразлично на оба имени Петра и Павла.

Послѣдній день много пришлось ѣхать по горѣлой тайгѣ. Картина эта производитъ удручающее впечатлѣніе. Я ѣхала впереди всѣхъ, поднялась на гору и глазамъ моимъ представилось необъятное пространство мертваго лѣса.

Вѣковые кедры стояли обугленные отъ вершинъ до корня; наваленныя въ безпорядкѣ по всѣмъ направленіямъ тѣла ихъ преграждали тропу; казаки и проводники обрубали ихъ, оттаскивали въ сторону и только тогда получалась возможность проѣхать.

Тамъ, гдѣ деревья оставались неубранными, лошади осторожно переступали черезъ нихъ сначала передними, потомъ задними ногами. Особенно жаль было вьючныхъ—онѣ тяжело и неуклюже переваливались черезъ нихъ съ тюками.

Тотъ, кто не видалъ горѣлой тайги, не въ состояніи представить себѣ этой картины смерти и опустошенія. Гибнетъ великолѣпный кедровый лѣсъ сотнями

десятинъ, и только зеленая, сочная мурава, появляющаяся на слѣдующую весну, смягчаетъ безотрадное впечатлѣніе. Много лѣтъ стоитъ онъ такъ, черный и угрюмый, подгниваетъ у основанія; валятъ его горные вѣтры и долго лежитъ сѣрая безжизненная масса, пока не сгніетъ и не разсыплется въ прахъ. Не идетъ на такихъ мѣстахъ долгое время и молодой лѣсъ; палъ умерщвляетъ не только громадныя и молодыя деревья, но уничтожаетъ и всѣ сѣмена ихъ.

Вьючный караванъ скоро поотсталъ; погода стояла великолѣпная, мы ѣхали переговариваясь, когда вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, сначала глухо и неясно, потомъ громче, по мѣрѣ поднятія каравана на гору, послышалась хоровая пѣсня; звуки ея странно оживили окружавшую насъ мертвую природу. И сладко и жутко, и больно какъ-то становилось отъ нея на душѣ...

Спустившись съ горы, поѣхали узкимъ ущельемъ, по одну сторону котораго подымались громадные морщинистые утесы, почти лишенные растительности надъ головами нашими вился и каркалъ черный воронъ—эта вѣщая птица древнихъ.

Къ полудню „пробѣжали", какъ здѣсь выражаются, верстъ тридцать и расположились подъ „кедрой" въ ожиданіи оставшихся далеко позади вьюковъ.

Небезынтересно замѣтить, что горныя лошадки такъ привыкаютъ къ крику своихъ погонщиковъ, что узнаютъ ихъ издали и сильно волнуются при ихъ приближеніи. Во время пути не разъ приходилось угадывать приближеніе каравана по лошадямъ: мы никого не видимъ и ничего не слышимъ, но разъ лошади

подняли головы, насторожились, заволновались, значитъ товарищи ихъ близко.

Такъ было и на этотъ разъ: кони забезпокоились, и скоро надъ кустами показалась голова передняго проводника; послышалось фырканье и ржанье; среди кустовъ вырисовались вьюки, средній проводникъ, подгонявшій отставшихъ, и вскорѣ жизнь закипѣла у подножія безмолвныхъ кедровъ.

Закусивъ и отдохнувъ немного, поѣхали дальше; желаніе очутиться поскорѣе „дома“ подгоняло всѣхъ, и только одна Марія Ивановна никакъ не хотѣла позволить своему коню итти рысью.

Стали изрѣдка попадаться люди: часть ихъ ѣхала намъ навстрѣчу, другихъ мы обгоняли. Всѣ были съ ружьями за плечами, всѣ здоровались и на вопросъ нашъ: „Куда ѣдете“, отвѣчали: „За черемшой“.

— Зачѣмъ же ружья взяли съ собой?

— Какъ же, здѣсь безъ ружья нельзя, звѣря больно много!

О цѣли поѣздки людей, возвращавшихся съ вьюками изъ тайги, нечего было и спрашивать, зловоннѣйшій запахъ черемши уже издали пояснялъ ее.

Черемшу ѣдятъ по всей Сибири не только въ свѣжемъ видѣ, но и солятъ на зиму; потребляютъ ее въ такомъ количествѣ, что каждый крестьянинъ, войдя въ комнату, заражаетъ запахомъ ея весь домъ. Цѣлебная противоцынготная сила ея объясняется содержаніемъ въ ней громаднаго количества желѣза; его настолько много, что по разсказамъ мѣстныхъ жителей, если поднести пучокъ черемши къ ком-

пасу, она заставитъ отклониться стрѣлку его въ ея сторону.

Опять въѣхали въ полосу горѣлой тайги. Погода стала портиться, задулъ сильный, порывистый вѣтеръ; черныя, подгнившія деревья шатались, грозя обрушиться и придавить всадника. Габаевъ предупреждалъ о грозившей опасности и подгонялъ коня.

Буря не на шутку разыгралась; вѣтеръ гудѣлъ и завывалъ на всѣ лады: слышался то страдальческій стонъ, то пронзительный крикъ, чей-то хохотъ и громкій разбойничій свистъ; то сразу, въ хаосѣ слившихся звуковъ, различалось нѣсколько стонущихъ голосовъ. Лошади настораживали уши, храпѣли и шли, осторожно вглядываясь въ каждый черный пень, боясь медвѣдей и готовясь отпрянуть при малѣйшей опасности.

Съ трескомъ повалилось громадное дерево; съ жуткимъ чувствомъ я подогнала лошадь и тутъ же раскаялась, такъ какъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, она испуганно шарахнулась въ сторону, едва не сбросивъ меня.

Страхъ животныхъ и жуткое гудѣнье вѣтра помимо воли дѣйствовали на нервы; я напряженно смотрѣла по сторонамъ, и не безъ затаеннаго удовольствія переѣзжала въ менѣе опасную живую тайгу.

Дорога пошла хорошая, широкая; мы съ мужемъ взглянули на хмурившееся небо и поѣхали крупною рысью.

За пятнадцать верстъ до Усинскаго начинается колесная дорога и Габаевъ утромъ послалъ казака съ распоряженіемъ выслать намъ навстрѣчу коро-

бокъ; тутъ же инженеръ Порватовъ ждалъ въ палаткѣ свою жену.

Едва успѣли мы доскакать до него, какъ полилъ проливной дождь, отсрочившій, по крайней мѣрѣ, на часъ наше прибытіе „домой“.

Съ чувствомъ блаженства помѣстились мы, послѣ безпрерывной почти пятидневной ѣзды верхомъ, въ коробкѣ, и лихія лошадки ямщика быстро домчали насъ до Усинскаго, красиво расположеннаго, громаднаго села, обшитые тесомъ дома котораго, съ большими окнами на улицу, ясно свидѣтельствовали о его зажиточности жизни.

Село Усинское расположено на берегу рѣки Уса и является какъ бы столицей для всѣхъ русскихъ, живущихъ по южную сторону Саянъ; въ немъ живетъ мѣстное начальство и приходитъ лѣтомъ два раза въ мѣсяцъ почта. Въ остальныя времена года приходъ ея всецѣло зависитъ отъ состоянія горныхъ тропъ; зимой она доставляется на лыжахъ и очень неаккуратно, при чемъ лыжники берутъ за доставку почты по рублю съ фунта. Всѣ остальные жители этого края получаютъ почту уже изъ Усинскаго при какой-либо „окказіи“, которая представляется рѣдко; письма часто завозятся въ совершенно противоположную сторону, теряются и, въ лучшемъ случаѣ, доставляются мѣсяца черезъ три-четыре, а иногда и позже.

Мѣстные охотники свозятъ шкуры, рога и кожи убитыхъ ими звѣрей на Усъ и получаютъ взамѣнъ ихъ необходимые имъ товары.

Вездѣ, гдѣ ни приходилось впослѣдствіи ѣхать, всѣ встрѣчали насъ вопросами: „что новаго на

Усу?“ кто пріѣхалъ изъ „міра“? что слышно изъ „міра“? Странное выраженіе это слышится за Саянами постоянно и повелось отъ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда здѣсь появились первые засельники, старовѣры, бѣжавшіе отъ гоненій. Переваливая Мірской хребетъ, они оставляли міръ съ его соблазнами и спасались въ глухихъ дебряхъ горъ и тайги.

Цѣны на всѣ товары въ Усинскомъ очень высоки. Дешевы только мясо и молочные продукты. Хлѣбъ дорогъ необычайно. Объясняется это тѣмъ, что послѣдніе годы здѣсь были неурожайные; хлѣбъ приходилось привозить изъ-за горъ, и перевозка его стоила большихъ суммъ.

Фунтъ хлѣба стоитъ здѣсь восемь, десять копѣекъ; бакалея вся въ два-три раза дороже петроградской, сахаръ доходитъ до тридцати копеекъ за фунтъ.

Дороговизна здѣсь явленіе не преходящее, такъ какъ купцы пользуются безвыходностью положенія мѣстныхъ жителей и не церемонятся съ ихъ карманомъ. Особенно страдаютъ отъ этого сойоты, коренные жители Урянхая, совершенно еще дикіе, не знающіе цѣнъ на предметы первой необходимости. Намъ разсказывали случаи, когда сойотъ за пачку спичекъ отдавалъ торбака—мѣстное названіе годовалаго бычка.

Мы остановились у Габаева, любезно предложившаго намъ одну изъ занимаемыхъ имъ комнатъ. Онъ устроилъ насъ уютно и удобно; трудность перевозки вещей черезъ Саяны давала себя чувствовать и у него: такъ напр. не было настоящихъ кроватей, и всѣ

спали на походныхъ койкахъ; мягкая мебель отсутствовала и т. п.

Несмотря на позднiй часъ нашего прибытiя, намъ приготовили старинное русское угощенiе—баню, которой мы и воспользовались съ неизъяснимымъ наслажденiемъ.

Почти въ совершенной темнотѣ, подъ громкiй лай деревенскихъ собакъ, босоногая дѣвица провела меня на берегъ рѣки Уса, который сердито ударялъ волнами въ небольшую деревянную постройку, оказавшуюся баней.

Устройство ея ничѣмъ не походило на наши городскiя: состояла она всего изъ двухъ комнатъ; изъ первой, обставленной по стѣнамъ широкими лавками и именуемой „раздѣвальней“, вела маленькая дверь во вторую—баню. Въ ней имѣлась только одна скамейка, стояла бочка съ холодной водой и жарко топилась печь, съ вдѣланнымъ въ нее котломъ, въ которомъ клокотала вода. Тутъ же имѣлся полокъ и лежали камни для пару.

Унесенная мечтами въ далекое прошлое нашей матушки Руси, отзвуки котораго до сихъ поръ сохранились въ глухой провинцiи, я не торопясь принялась мыться и, окончивъ всю эту процедуру, почти ощупью, то и дѣло отбиваясь захваченной хворостиной отъ нападавшихъ собакъ, добралась до прiютившаго насъ крова и съ наслажденiемъ растянулась на приготовленной мнѣ постели.

На другой день мужъ и я встали поздно, обманутые прiятнымъ полумракомъ, царившимъ въ нашей комнатѣ, благодаря закрытымъ и имѣющимся вездѣ въ

Усинскомъ ставнямъ; выйдя на балконъ, мы залюбовались открывшимся видомъ: яркое солнце заливало ослѣпительнымъ блескомъ всю окрестность. Усинское лежитъ въ котловинѣ, горизонтъ которой замыкается узоромъ высокихъ горъ; неподалеку отъ нашего двора виднѣлся крестъ незаконченной старовѣрческой молельни..

Широкій дворъ, разстилавшійся передъ нашими глазами, былъ заваленъ раскупоренными ящиками, около которыхъ въ поту и пыли возился Габаевъ, разбирая прибывшій грузъ.

Къ вечеру въ его квартиру собралась вся интеллигенція села: интересовались привезенными новостями и разбирали сдѣланныя Габаевымъ покупки.

Позднѣе всѣ отправились гулять на берегъ Уса.

Быстрое теченіе прозрачной воды невольно останавливало на себѣ вниманіе; садившееся солнце золотило верхушки деревъ и разсыпало блики по водѣ, изъ которой, играя и блестя чешуей, отъ времени до времени выскакивалъ веселый харіусъ и тотчасъ погружался снова въ холодныя струи.

По Усу до Енисея ходятъ плоты, при чемъ бурная рѣка нерѣдко разбиваетъ ихъ. Въ бытность нашу въ Урянхаѣ на немъ разбился плотъ, везшій работавшаго на постройкахъ въ Бѣлоцарскѣ инженера. Весь грузъ, бывшій на плоту, погибъ; люди спаслись, держась на бревнахъ—остаткахъ плота и несясь по теченію, пока ихъ не выкинуло на берегъ.

Въ Усинскомъ мы пробыли три дня и утромъ на четвертый выѣхали на двухъ тройкахъ въ Урянхай:

въ первой сидѣли мы, во второй помѣщались Габаевъ съ женой.

Осторожно сдерживая лошадей, ямщикъ выѣхалъ въ ворота и, отпустивъ вожжи, помчался по широкой улицѣ села; замелькали избы, въ окнахъ показывались заспанныя лица, съ любопытствомъ провожавшія насъ глазами; коренная шла покачиваясь, быстро перебирая ногами; загнувъ головы орломъ, бѣшено неслись пристяжныя, бросая комья земли и обдавая насъ черною пылью.

Деревня осталась за нами, и яркая зелень полей привѣтливо встрѣтила насъ. Множество кузнечиковъ съ красными крылышками, рѣзко стучавшихъ ими при полетѣ, слетало съ дороги при нашемъ проѣздѣ и невольно обратило на себя мое вниманіе. Это оказался бичъ здѣшнихъ полей — кобылка; она нерѣдко пожираетъ здѣсь всѣ посѣвы, нанося громадные убытки хлѣбопашцамъ. Она была еще довольно маленькаго размѣра—не болѣе полувершка и плохо летала; къ концу лѣта она превращается въ большихъ кузнечиковъ, величиною вершка въ полтора, и летаетъ великолѣпно.

Скоро мы миновали поля и въѣхали въ рощу, состоявшую изъ узорчатыхъ нѣжныхъ лиственницъ; цѣлый коверъ чудесныхъ весеннихъ цвѣтовъ устилалъ ее, поражая насъ своею пышностью и разнообразіемъ.

Изрѣдка стали попадаться сойоты—странные всадники въ цвѣтныхъ халатахъ и остроконечныхъ шапкахъ, съ черными косами на спинахъ; мы съ любопытствомъ провожали ихъ глазами.

Путь нашъ лежалъ на Туранъ—первое русское се-

Сойоты.

леніе въ Урянхаѣ; отъ Усинскаго до него восемьдесятъ верстъ.

Проѣхавъ приблизительно половину этого разстоянія, мы остановились пить чай въ просторномъ зимовьѣ.

Габаевъ послалъ за сойтомъ, который могъ служить намъ переводчикомъ.

Мы напились чаю и благодушествовали, растянувшись на широкихъ нарахъ, когда въ зимовье вошли три сойота и, вытянувъ впередъ руки съ ладонями вверхъ, принялись униженно намъ кланяться; поздоровавшись, они отошли къ дверямъ и сѣли у порога по-турецки, прямо на полъ.

Габаевъ ѣлъ апельсинъ, сосредоточенно смотрѣлъ въ потолокъ и молча, не глядя на дикарей, какъ собакамъ, бросилъ имъ нѣсколько кусочковъ. Сойты съ жадностью подхватили и раздѣлили ихъ между собою.

Кончивъ свое занятіе, Габаевъ поманилъ къ себѣ пальцемъ сойота, предназначавшагося намъ въ переводчики и украшеннаго большимъ кровоподтекомъ у глаза.

— Что это у тебя? спросилъ онъ серьезно.

— Вчера мараламъ рога пилиль, пьянь быль, съ коня упаль! спокойно, какъ о самомъ обычномъ дѣлѣ, отвѣчалъ тотъ.

Мы тѣмъ временемъ разсматривали присѣвшее передъ нами небольшое коричневое существо въ остроконечной шапкѣ. Маленькіе подслѣповатые глазки его смотрѣли съ любопытствомъ; весь наружный видъ его напоминалъ изображеніе дикаря временъ татарскаго нашествія; это сходство усугубляла надѣтая на него островерхая шапчонка съ двумя болтавшимися позади

лентами; только туго заплетенная коса нарушала впечатлѣніе.

Всего сойотовъ насчитываютъ до пятидесяти тысячъ человѣкъ, но и эта цифра, по объѣздѣ всего громаднаго края, кажется мнѣ преувеличенной.

По происхожденію они монголы и какъ всѣ низшія расы, пришедшія въ соприкосновеніе съ высшею, вымираютъ.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе поближе ознакомиться съ ними и съ ихъ бытомъ, но кочевья ихъ были еще далеко.

Переговоры Габаева съ переводчикомъ длились не долго: онъ охотно согласился на наши условія и черезъ день нагналъ насъ, при чемъ грязный, неопредѣленнаго цвѣта халатъ смѣнился на его плечахъ ярко-синимъ.

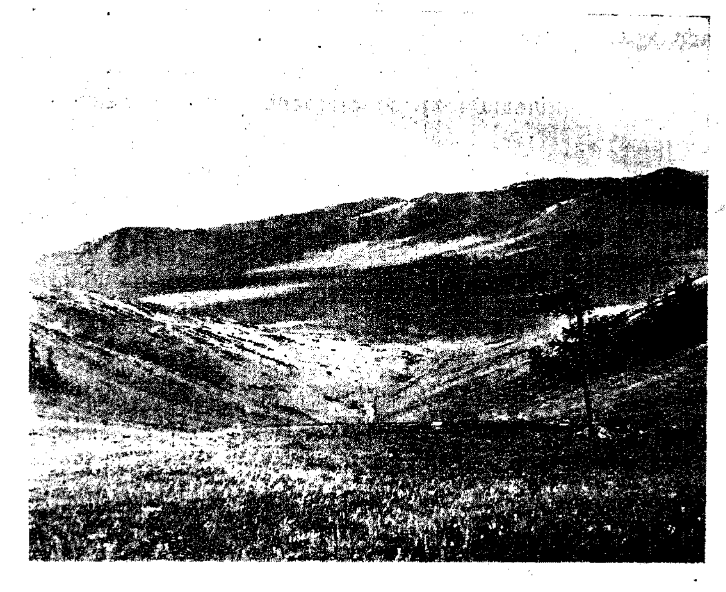
Около полудня мы стали подыматься на хребетъ Таскылъ; вся сѣверная сторона его покрыта веселымъ березовымъ лѣсомъ; на вершинѣ хребта стоитъ столбъ, отдѣляющій русскую землю отъ Урянхая, и отсюда же открывается видъ на интересовавшій насъ край.

Суровыя каменистыя горы, обнаженныя съ южной стороны и поросшія лиственницами съ сѣверной, и пустынныя степи, залегшія между ними,—вотъ, что развернулось передъ нашими глазами.

Спустившись съ хребта, мы поѣхали совершенно побурѣвшей степью; кое-гдѣ проступали солончаки и виднѣлись мѣста зимней стоянки сойотовъ.

Лѣтомъ сойоты селятся по теченію рѣкъ и вообще тамъ, гдѣ есть въ достаточномъ количествѣ трава и вода, чтобы прокормить скотъ; зимой они переко-

чевываютъ въ ущелья и къ подножію горъ, обдуваемыхъ вѣтрами, гдѣ не держится снѣгъ, и гдѣ стада ихъ находятъ подножный кормъ.

Въѣздъ въ Урянхай.

Урянхай въ переводѣ съ монгольскаго значитъ край оборванцевъ; вотъ почему туземцы никогда не называютъ себя урянхами; русскіе именуютъ ихъ сойотами, а они сами зовутъ себя туба, такъ какъ среди нихъ живетъ преданіе, что они пришли въ Урянхай съ рѣки, впадающей въ Енисей выше Большого порога и носящей это названіе. Вѣроисповѣданія сойоты буддійскаго.

Имена своимъ дѣтямъ, какъ и всѣ дикари, они

даютъ въ большинствѣ случаевъ по первому попавшемуся имъ на глаза предмету, рѣже въ зависимости отъ какого-нибудь качества или характера ребенка. Намъ, напримѣръ, встрѣтилась дѣвочка, имя которой было Вагнай, что въ русскомъ переводѣ означало „дрянная дѣвчонка»; брата ея звали „скверный мальчишка."

До трехъ лѣтъ сойотенокъ носитъ одно имя, на четвертый приглашается крестный отецъ, который дѣлаетъ подарки его родителямъ и переименовываетъ его, давая ему также совершенно произвольно новое имя, которое онъ и носитъ до конца своихъ дней.

Ни свадебныхъ обрядовъ, ни погребенія у сойотовъ не существуетъ: они просто вывозятъ своихъ мертвыхъ, одѣтыхъ какъ при жизни, въ уединенныя мѣста на горы или въ степь и оставляютъ тамъ на поверхности земли. Около нихъ втыкается шестъ съ прикрѣпленной къ нему коробкой изъ бересты, въ которую кладутъ грубо сдѣланныя изъ глины изображенія божествъ. Рядомъ помѣщаютъ немного творогу и мяса. Звѣри быстро разрываютъ и растаскиваютъ трупы; намъ нѣсколько разъ приходилось видѣть въ степи куски одежды и раскиданныя человѣческія кости и черепа.

Похороны шамановъ—мѣстныхъ колдуновъ — отличны отъ похоронъ обыкновеннаго сойота. Гдѣ-либо на бугрѣ въ очень пустынномъ мѣстѣ устраивается настилъ изъ плахъ и вѣтокъ; на него кладутъ покойника (по ихъ понятіямъ мертвый шаманъ не долженъ касаться земли) и разставляютъ, кругомъ всѣ предметы, принадлежавшіе и служившіе

ему въ цѣляхъ колдовства: бубенъ, одежды, ножи, побрякушки и т. п. Мелочи складываются въ берестовый туесокъ, и никто не имѣетъ права прикасаться къ вещамъ шамана и даже близко подходить къ мѣсту погребенія его.

Шаманами бываютъ не только мужчины, но и женщины и народъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, куда большимъ чѣмъ къ ламамъ (священникамъ).

Часовъ въ пять вечера подъѣхали къ Турану, довольно большому селу съ еще незаконченнымъ деревяннымъ храмомъ; въ немъ имѣется медицинскій пунктъ и живетъ докторъ.

Раскинулось оно въ небольшой живописной котловинѣ у подножія высокихъ горъ на мѣстѣ поселенія древняго человѣка, на что ясно указываютъ дѣлаемыя крестьянами на поляхъ находки предметовъ, относящихся къ доисторическимъ временамъ.

Передъ сельской школой стоитъ большой камень съ древними надписями, привезенный изъ ближайшей степи.

Кругомъ села въ большомъ количествѣ проведены „мочаги“ (оросительныя канавы), вслѣдствіе чего окрестности его не имѣютъ печальнаго вида степи, которою пересѣкали мы отъ Таскыла; вокругъ Турана зеленѣютъ луга и поля овса и пшеницы.

Надо замѣтить, что всѣ селенія русскихъ въ Урянхаѣ расположены около рѣкъ, отъ которыхъ они проводятъ мочаги, либо пользуются при этомъ старыми, проведенными уже упоминавшимся исчезнувшимъ, совершенно намъ незнакомымъ, культурнымъ народомъ.

По пути мы производили археологическія изслѣдо-

ванія, съ цѣлію опредѣлить, что за народъ, извѣстный у настоящаго населенія подъ названіемъ „чуди", обиталъ здѣсь раньше. Къ сожалѣнію, большинство вскрытыхъ могилъ весьма были бѣдны находками и оказывались принадлежавшими кочевникамъ-монголамъ, правда, весьма отдаленныхъ эпохъ.

По отзывамъ крестьянъ, земли Урянхая очень плодородны лишь при условіи искусственнаго орошенія, но здѣсь не рѣдко суровые ранніе морозы побиваютъ всѣ посѣвы.

Ночевать мы устроились на земской квартирѣ, въ двухъ большихъ и свѣтлыхъ комнатахъ, и на другое утро выѣхали дальше.

Добравшись до Уюка, раскопали заинтересовавшую и встрѣтившуюся на нашемъ пути могилу и подъ вечеръ остановились у заимки (хутора) А. Ф. Сафьяновой, вдовы мѣстнаго богача.

Я думала встрѣтить благоустроенную помѣщичью усадьбу и очень была удивлена, увидѣвъ прежде всего большое количество грязныхъ сойотскихъ юртъ, изъ которыхъ высыпали на звонъ нашихъ бубенцовъ совсѣмъ голыя ребятишки; за юртами виднѣлся похожій на большую избу домъ и сколоченные на скорую руку изъ плашекъ ворота, ведшія во дворъ.

Никто насъ не встрѣтилъ. Съ нѣкоторымъ опасеніемъ прошли мы мимо лежавшихъ у крыльца громадныхъ собакъ и очутились въ передней, гдѣ познакомились съ хозяйкой дома.

Мы извинились за причиняемое безпокойство и попросили разрѣшенія переночевать, на что тотчасъ получили любезное согласіе, и хозяйка указала намъ

комнаты, предоставленныя въ наше распоряженіе, затѣмъ накормила насъ сытно и вкусно и повела показывать свое хозяйство.

Я поражалась все больше и больше: не было ни одной приличной постройки, все было сколочено кое-какъ и на скорую руку, изъ какихъ-то жердей и тонкихъ плашекъ. Казалось, будто люди заѣхали сюда случайно, на время приткнулись кое-какъ и разсчитываютъ черезъ день-два улетѣть на свое настоящее мѣсто; а между тѣмъ здѣсь два десятка лѣтъ жило многочисленное семейство, владѣльцы двухъ съ половиной тысячъ головъ лошадей и такого же количества рогатаго скота!

Посмотрѣли лошадей. Хозяйка извинилась, что не могла намъ показать лучшихъ, находившихся въ табунахъ.

— А сколько же у васъ табуновъ? поинтересовались мы.

— Всего пять, по пятисотъ головъ въ каждомъ...

— Какое же количество пастуховъ нужно, чтобы смотрѣть за ними?

— Да немного, на каждый табунъ полагается три пастуха.

— Только? удивились мы: какъ же они справляются съ такимъ количествомъ лошадей?

— Да почему же не справиться? имъ дѣла немного, табунъ самъ знаетъ мѣста, куда итти; пастухи смотрятъ только, чтобы звѣрь скотину не обижалъ!

— Что значитъ, знаетъ мѣста?

— А очень просто: ранней весной онъ идетъ въ

степь; когда въ степи трава выгоритъ, — въ горы, а теперь, когда оводъ одолѣваетъ, пасется въ тайгѣ.

Мы попросили разрѣшенія посмотрѣть на сойотскія юрты; хозяйка пошла вмѣстѣ съ нами.

Довольно просторныя юрты были обтянуты грязными кошмами; посреди одной горѣлъ огонь, и въ котлѣ надъ нимъ кипѣла какая-то мутная жидкость, весьма непривлекательнаго вида. Хозяйка объяснила, что это сойотскій чай.

Сойоты пьютъ такъ называемый зеленый чай: крупные листья, спресованные въ кирпичъ вмѣстѣ съ сучками (не надо смѣшивать его съ кирпичнымъ чаемъ, очень вкуснымъ и душистымъ). Приготовляютъ они его такъ: въ большой круглый котелъ кладутъ необходимое количество чая, сала и соли, наливаютъ воды и молока, кипятятъ и получаютъ напитокъ, на нашъ вкусъ довольно непріятный.

Хлѣба сойоты не имѣютъ, а употребляютъ вмѣсто него высушенный на солнцѣ творогъ или поджаренное просо; пищу ихъ составляетъ еще мясо въ вяленомъ и вареномъ видѣ, но обязательно безъ соли.

Изъ спиртныхъ напитковъ они приготовляютъ арагъ—мутноватую жидкость, напоминающую слабую, но довольно пьяную водку, которую они получаютъ, перегоняя молоко. Кумысъ, коровье и козье молоко принадлежатъ къ числу наиболѣе любимыхъ ими напитковъ.

Изо всѣхъ юртъ высыпали ихъ обитатели и окружили насъ. Ребятишки голыя и полуголыя возились и бѣгали тутъ же; все это было черно и грязно необычайно. На женщинахъ были накинуты какія-то хла-

Юрта сойотовъ, живущихъ по Большому Енисею.

миды неопредѣленнаго отъ грязи и времени цвѣта; волосы у большинства были заплетены въ три и болѣе косы; у нѣкоторыхъ въ концы собственныхъ волосъ вплетены косы изъ крученаго шелка, спускающіяся до пятъ. Вообще, у большинства сойотовъ и сойотокъ вопреки всѣмъ законамъ гигіены волосы очень хороши. Дѣвушки заплетаютъ ихъ въ двѣ косы; всѣ вообще любятъ украшать себя бисеромъ, лентами и кистями бусъ; много носятъ коралловъ, которые мѣстное населеніе называетъ моржанами.

Чумазые мужчины съ полубритыми головами, со спускающейся съ затылка косой, стояли тутъ же.

Изъ толпы выдѣлялись своей миловидностью два-три женскихъ лица; всѣ остальные, въ особенности старики, прямо безобразны: у рѣдкаго изъ нихъ не болятъ глаза; множество лицъ изрыто оспой и разными болѣзнями.

Мы вошли въ одну изъ юртъ, но остались въ ней не болѣе минуты: спертый воздухъ и запахъ квасившагося тутъ же молока выгнали насъ на дворѣ.

Проходя мимо другой юрты и услышавъ жалобные звуки какого-то музыкальнаго инструмента, мы поспѣшили зайти въ нее. На большой кошмѣ лежалъ молодой сойотъ и медленно перебиралъ струны тошулура, извлекая изъ него грустно-монотонную мелодію. Я видѣла этотъ инструментъ впервые и разглядывала его со вниманіемъ: это родъ маленькой мандолины.

Возвращаясь домой, мы спросили у Александры Ѳедоровны, почему около ея дома такое количество сойотскихъ юртъ, тогда какъ всѣ на нихъ жалуются

какъ на воровъ скота, и стараются держаться отъ нихъ подальше.

— Воры-то они, дѣйствительно, воры, вотъ и у меня вчера телка изъ загона пропала; куда ей дѣваться? не иначе, какъ сойоты зарѣзали да съѣли, а безъ нихъ обойтись нельзя: дешевыя рабочія руки; у меня сойотки коровъ доятъ.

— Сколько же вы имъ платите?

— Даю чаю, сахару, снятого молока. Теперь скоро на дойку посмотрѣть можно будетъ, коровы домой пришли.

Мы направились къ загону, гдѣ стояли и лежали крупныя сытыя сойотскія коровы.

Уже шла дойка. Насъ удивило, что коровъ доили не иначе, какъ привязавъ неподалеку теленка; выдаивали ихъ не на-чисто и подпускали затѣмъ телятъ. Сафьянова пояснила, что сойотскія коровы иначе не доятся: нѣтъ теленка поблизости,—не дастъ и молока.

На другой день мы выѣхали рано и въ полдень остановились на заимкѣ Матониной, попросивъ разрѣшеніе посмотрѣть мараловъ.

Забыла сказать, что выѣхавъ изъ Усинскаго, мы проѣзжали мимо маральниковъ, но видѣли мараловъ, этихъ красивыхъ, изящныхъ животныхъ, только издали. Это особая порода оленей, рога которыхъ цѣнятся китайцами очень дорого. Разсказываютъ, что каждый женихъ-китаецъ обязанъ въ числѣ свадебныхъ подарковъ поднести своей невѣстѣ пару маральихъ роговъ. Говорятъ еще, что маральи рога содержатъ какую-то цѣлебную жидкость, изъ которой китайцы выдѣлываютъ

Сойотка.

чуть ли не элексиръ молодости; фактъ тотъ, что они ежегодно и по очень высокой цѣнѣ скупаютъ ихъ.

Русскіе быстро поняли всю выгоду торговли маральими рогами, стали ловить этихъ животныхъ, держать ихъ въ особыхъ загородкахъ, ежегодно срѣзать имъ рога и продавать китайцамъ.

Срѣзаютъ рога маралам весной, когда они только что выростутъ, покрыты пухомъ и не успѣютъ еще закостенѣть. Процедура эта, говорятъ, мучительна, такъ что животное во время пилки, не рѣдко кричитъ и крикъ его напоминаетъ плачъ ребенка...

— Въ прежнее время, пока мы еще не приспособились, разсказывалъ намъ мѣстный житель, много мараловъ гибло во время срѣзки роговъ; ловить и держать ихъ мы еще не умѣли. Поймаемъ, ноги спутаемъ, повалимъ, человѣка четыре сядутъ на него и держатъ, а пятый рога пилитъ; случалось часто, что ноги или ребра имъ ломали, а теперь изловчились, особые станки стали дѣлать; трудно звѣря въ него загнать, а какъ загонимъ, палки подъ брюхо и подъ голову вставимъ, такъ что ужъ и двинуться онъ не можетъ, рога спилимъ, варомъ и листьями залѣпимъ и опять его выпустимъ.

— И не жалко вамъ его въ это время бываетъ?

— Какъ не жалко, больно тоже ему: кровь такъ ручьемъ и хлещетъ; кричитъ, бываетъ, другой.

— А что, можно къ нимъ въ маральникъ ходить, не брасаются они на людей?

— Сейчасъ можно, сейчасъ онъ самъ людей боится; рога у него нѣжные и онъ ихъ очень бережетъ. Поглядите, какъ онъ свои рога осторожно весной но-

ситъ; коли въ кустахъ проходитъ,—голову кверху, чтобъ роговъ не задѣть, чуть гдѣ рогомъ задѣлъ, кровь на нихъ проступитъ; мухи теперь много, червь сразу заведется—вотъ и пропалъ маралъ; вѣдь рога онъ ни почесать, ни вылизать не можетъ. Вотъ осенью—другое дѣло, продолжалъ онъ, помолчавъ, тогда маралъ самъ на человѣка идетъ, ногами топочетъ и рогомъ бодаетъ, въ это время его бить хорошо! Наши охотники изловчились: дудку такую сдѣлали, что твой маралъ кричитъ; спрячется гдѣ-нибудь съ такой дудкой охотникъ около полянки, въ дудочку разъ-другой свистнетъ,—слышь, а ужъ вѣтки трещатъ маралъ идетъ. На полянку выйдетъ—землю ногой бьетъ. Тутъ его и стрѣляютъ. Красиво онъ кричитъ: голову нагнетъ, рога о дерево точитъ—больно хорошо на него смотрѣть—это онъ на бой соперника своего вызываетъ!

— Что жъ, и придетъ другой?

— Бываетъ, приходитъ, и шибко очень они тутъ дерутся; даже убивать жалко бываетъ.

Эту красу нашей сибирской тайги безжалостно истребляетъ жадный до наживы человѣкъ! А статья дохода завидная. Маральи рога цѣнятся отъ трехъ до девяти рублей фунтъ и вѣсятъ они отъ двадцати фунтовъ до пуда съ лишнимъ. Самая большая пара роговъ, привезенныхъ въ этомъ году въ с. Усинское вѣсила пудъ двѣнадцать фунтовъ. Слѣдовательно, одинъ маралъ, кормежка котораго ничего не стоитъ, такъ какъ маралы круглый годъ на подножномъ корму, и которыхъ только въ исключительныхъ случаяхъ подкар-

4*

мливаютъ сѣномъ, принесъ въ годъ двѣсти тридцать четыре рубля, при цѣнѣ на рога по четыре рубля пятьдесятъ копеекъ за фунтъ.

Только зимой удается взять марала живьемъ; дѣлается это слѣдующимъ образомъ: нѣсколько человѣкъ охотниковъ на лыжахъ отыскиваютъ марала и гонятся за нимъ. Чѣмъ глубже снѣгъ, тѣмъ больше бѣдное животное вязнетъ; лыжники гонятся по пятамъ за нимъ и, когда, наконецъ, маралъ, выбившись изъ силъ, падаетъ, бросаются на него, связываютъ и, взваливъ на сани, перевозятъ его въ маральникъ.

Ловятъ мараловъ еще и въ ямы, прикрывая ихъ сверху хворостомъ и кладя сверху сѣно. Польстившись на него, маралъ смѣло ступаетъ на предательскую настилку, запушенную снѣгомъ, и попадаетъ въ ловушку.

Послѣдній родъ охоты запрещенъ въ настоящее время, такъ какъ масса животныхъ гибла отъ голода, забытая въ ямахъ охотниками, не удосужившимися заглянуть своевременно въ нихъ, или попавшая въ старыя, заброшенныя ямы, небрежно закрытыя, или вовсе не задѣланныя.

У Матониной на заимкѣ мы видѣли мараловъ-самцовъ съ великолѣпными крупными рогами и самокъ съ ихъ дѣтенышами.

Въ этотъ день къ вечеру мы должны были пріѣхать въ Бѣлоцарскъ, первый городъ, заложенный въ этомъ году на сойотской землѣ. Когда мы были верстъ за двадцать до него, поднялся холодный, порывистый вѣтеръ; онъ вздымалъ клубы пыли, заставляя насъ ежиться, крѣпко кутаться и

укрываться бурками. Здѣсь это явленіе обычное; вѣтеръ бываетъ настолько силенъ, что паромъ, перевозящій публику съ праваго берега Енисея на лѣвый, прекращаетъ рейсы, и собравшіеся часами ждутъ прекращенія бури и возможности попасть на другую сторону.

На наше счастье вѣтеръ поутихъ, когда мы подъѣхали къ Бѣлоцарску, заложенному при сліяніи Большаго и Малаго Енисеевъ; обѣ рѣки раздѣлены здѣсь большимъ утесомъ. Нѣсколько подводъ ждало переправы.

Все зашевелилось и заволновалось при видѣ „начальства".

— Паро-омъ! начало раздаваться на всѣ голоса.

— Пода-айте паромъ! начальство пріѣхало-о! надрывался кто-то.

По берегу, запыхавшись, бѣжалъ сойотъ и сообщилъ, что паромъ по случаю погоды стоитъ выше, куда и просилъ подъѣхать.

Разъяренный Енисей все еще гнѣвно катилъ свои потемнѣвшія воды, и мнѣ страшно стало при взглядѣ на небольшой, сильно перегруженный паромъ; онъ двинулся, и мое вниманіе было отвлечено сойотомъ, невѣроятно оравшимъ и стегавшимъ четырехъ лошадей. Только теперь я обратила вниманіе, что это не обычный паромъ: на передней части его имѣлся топчакъ, вращавшій валъ, вертѣвшій въ свою очередь два похожихъ на пароходныя колеса, сколоченныя изъ грубыхъ досокъ.

Переправились сравнительно быстро и благополучно.

Всѣ мѣстныя власти были на берегу; мы перезнакомились съ ними.

Бѣлоцарскъ разбитъ только еще на бумагѣ; глазамъ нашимъ представилась громадная песчаная равнина, поросшая кое-гдѣ колючимъ караганникомъ; вдали виднѣлись два-три сарая, нѣсколько начатыхъ постройкой домовъ и бѣлые колышки, вбитыя по всѣмъ направленіямъ, назначеніе которыхъ было понятно только строителямъ города.

Намъ любезно сообщили, что готовы только два амбара, до верху заваленные товаромъ, да глиняная мазанка, занятая канцеляріей, въ которой ютилось нѣсколько служащихъ.

Намъ предстояло остановиться въ собственной палаткѣ, уже поставленной неподалеку, въ священной рощѣ сойотовъ. По дорогѣ къ ней мы обратили вниманіе на три громадныхъ кучи хвороста, поставленнаго торчкомъ, въ видѣ конусовъ, и обвѣшаннаго разноцвѣтными тряпочками; противъ нихъ на пьедесталѣ изъ обрѣзковъ бревенъ стоялъ винтъ изъ бѣлой жести,заключенный въ треугольникъ—символъ буддизма. Намъ разъяснили, что это сойотская авва—мѣсто, посвященное божествамъ, около котораго происходятъ моленія. Позднѣе часто приходилось видѣть эти аввы; всѣ онѣ совершенно одинаковы.

Изъ-за аввы выступали темныя вершины тополей священной рощи, пріютившейся въ оврагѣ, омываемомъ съ одной стороны Енисеемъ, съ другой—протокомъ его. Громадныя старыя деревья таинственно перешептывались и, казалось, возмущались дерзостью людей, пришедшихъ нарушить ихъ покой.

Мы направились къ своей палаткѣ и начали въ ней устраиваться. Нанятый нами переводчикъ-сойотъ, Жужелъ, исчезъ въ лѣсу, но быстро возвратился, неся цѣлую охапку сухихъ сучьевъ. Чиркнула спичка, освѣтила его коричневое рябое лицо, и огонь весело забѣгалъ по дровамъ, подогрѣвая чайникъ съ водой и подрумянивая шашлыкъ, который тотъ же Жужелъ успѣлъ нанизать на вертелъ и приставить къ огню.

Ночь спускалась на землю тихая, теплая; природа, утомленная бурей, какъ бы отдыхала, купаясь въ блѣдныхъ лучахъ восходящей луны; изрѣдка раздавались всплески все еще неспокойнаго Енисея да фырканье пасущихся коней; тихо шелестѣли вершины тополей.

Мы сидѣли зачарованные, откинувъ полы палатки, и только позднее время, да свѣтлая полоска на востокѣ заставили насъ вспомнить нашу дорожную усталость.

На другой день съ утра погода начала хмуриться, а къ вечеру заморосилъ частый дождь, скоро перешедшій въ ливень. Продрогшіе, мы сидѣли въ палаткѣ, ожидая, что вотъ-вотъ она не выдержитъ и потечетъ по всѣмъ швамъ. Съ тѣмъ же опасеніемъ, кутаясь и ежась, забрались мы въ свои отсырѣвшія постели, долго вертѣлись и, заснувъ безпокойнымъ сномъ, поминутно вскакивали, чтобы убѣдиться, что ружья и багажъ въ безопасности.

Палатка датскаго типа выдержала испытаніе съ честью: простоявъ два дня и ночь подъ проливнымъ дождемъ, она нигдѣ не пропустила ни капли воды.

— А сегодня дождя нѣту и солнце свѣтитъ! при-

вѣтствовалъ на третій день насъ Жужелъ, всѣ эти дни съ трудомъ разводившій костеръ и готовившій подъ дождемъ нашъ незатѣйливый обѣдъ. А въ Енисеѣ вода многа, многа!

Вода въ Енисеѣ, дѣйствительно, поднялась сильно, совсѣмъ почти пересохшій протокъ вспухъ и весело журчалъ; вода все прибывала.

Сладко спалось намъ въ эту ночь. На другой день рѣшено было выѣхать дальше; намъ предстояло объѣхать всю юго-восточную часть Урянхая, подняться до пограничныхъ хребтовъ Танну-ула и вернуться въ Бѣлоцарскъ по Малому Енисею.

Путь нашъ лежалъ черезъ Булукъ на Атамановскій поселокъ. Безконечныя, выжженныя и каменистыя, покрытыя караганникомъ степи окружили насъ съ перваго же дня выѣзда изъ будущаго города; только долина рѣки Элегеста составляетъ исключеніе и радуетъ путника своей веселой зеленью. Буро красная, выжженная равнина привела насъ, наконецъ, къ рѣкѣ Мечегею.

Словно въ ворота изъ горъ въѣхали мы въ долину его и увидѣли черно-зеленыя громады Танну-Ола, живописнаго хребта, отдѣляющаго Урянхай отъ Монголіи; за первой цѣпью горъ вставали другіе хребты съ серебристыми вершинами.

Долина р. Мечегея—сплошная зеленая топь съ невѣроятнымъ количествомъ дичи; то и дѣло вырывались изъ-подъ ногъ нашихъ вязнувшихъ въ болотѣ коней дикія утки, тюрпаны *), бекасы; сплошной

*) Крупная желтая утка.

стонъ стоялъ на болотѣ отъ массы перекликавшейся разноголосой дичи и рука охотника невольно тянулась къ ружью.

Вдали показался Атаманскій поселокъ, довольно длинная, но совершенно неустроенная деревня; особенно непріятно поразили глазъ плоскія крыши, на которыя насыпана сверху земля, обильно поросшая травой. Поселокъ этотъ еще молодой, и жители его занимаются исключительно скупкой и перепродажей пушнины; скотоводство, какъ и вездѣ въ Урянхаѣ, у нихъ сильно развито, но земледѣліе въ полномъ загонѣ, такъ какъ сильные ранніе заморозки уничтожаютъ урожай.

Остановились мы на земской квартирѣ—грязноватой, наполненной миріадами мухъ избѣ, носящей, какъ и почти вездѣ здѣсь, отпечатокъ чего-то непостояннаго, временнаго... Какъ будто люди осѣли здѣсь для наживы, чтобы урвать поскорѣе все, что можно, затѣмъ бросить всѣ свои постройки безъ сожалѣнія и бѣжать въ болѣе людныя мѣста.

Утромъ мы катили уже въ Нижне-Никольское, гдѣ должны были пересѣсть на верховыхъ лошадей и ѣхать на золотые пріиски Черневича.

Мы доѣхали до аввы, близъ которой виднѣлось нѣсколько юртъ и остановились. Стриженный лама привѣтливо показалъ намъ свои желтые зубы, притащилъ затѣмъ подушки и, усадивъ насъ, сталъ бесѣдовать черезъ переводчика.

— Какъ поживаетъ вашъ скотъ?

— Какъ здоровье почтеннаго нойона *)?

*) Нойонъ—вельможа, князь.

— Какъ здоровье жены и дѣтей? задавалъ онъ вопросы въ порядкѣ сойотскаго этикета.

Жужелъ удовлетворялъ его любопытство, мы же съ мужемъ занялись разсматриваніемъ окружившей насъ толпы.

Вниманіе мое было привлечено совершенно голымъ, маленькимъ, лѣтъ трехъ-четырехъ сойотенкомъ. Онъ направлялся къ окружавшей насъ толпѣ, когда на него устремилось цѣлое стадо барановъ. Мы ждали, что онъ испугается, закричитъ, но видно, эти дѣти природы съ первыхъ дней своей жизни привыкаютъ къ окружающимъ ихъ стадамъ: онъ поднялъ обѣ голыя ручонки и самъ съ гикомъ пошелъ на нихъ; они покорно разступились и пропустили его къ намъ.

Лама принесъ бутылку арага и китайскую грязную чашку, наполнилъ ее и протянулъ сначала мужу, затѣмъ мнѣ. Мы сдѣлали видъ, что отпили по глотку и возвратили ее ламѣ, онъ допилъ ее и, вновь наливъ, подалъ Жужелу.

Я достала изъ корзины съ провизіей сахаръ и дала горсть угощавшему, а затѣмъ по куску окружившимъ насъ сойотамъ; они тотчасъ принялись грызть его; манерами, гримасами и ужимками они сильно напомнили мнѣ мартышекъ.

Узнавъ отъ ламы, что моленіе состоится еще не скоро, мы рѣшили ѣхать дальше. Урядникъ остался ожидать коня своего.

Поселокъ Нижне-Никольскій расположенъ у подножія хребта Шанхана, перваго изъ Танну-ульскихъ

хребтовъ, высокаго и темнаго, покрытаго густой тайгой, Мимо него протекаетъ рѣка Арголикъ, каменистая и бурная во время дождей и вся расходящаяся по мочагамъ по выходѣ изъ ущелья на равнину.

Мы заѣхали въ избу, принадлежащую Черневичу. Бородачъ-приказчикъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, тотчасъ послалъ за верховыми лошадьми и на вопросъ нашъ «далеко ли до пріисковъ?» отвѣтилъ:

— Пятнадцать верстъ!

Немного отдохнувъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь; выѣхали въ часъ дня, прибыли на мѣсто только въ семь вечера и наглядно убѣдились, что версты здѣсь мѣрены клюкой ихъ было по меньшей мѣрѣ двадцать пять и притомъ по самой ужасной, крутой дорогѣ. Начавшаяся было по довольно пологому откосу Шанхана, она перешла постепенно въ узкую, необычайно крутую тропу, по которой лошади поднимались почти отвѣсно, цѣпляясь какъ кошки за корни деревъ и каменья. Мѣстами тайга была такъ густа, что ни единый лучъ солнца не проникалъ въ нее.

— Скоро ли конецъ подъему? приставала я къ проводнику.

— Не скоро! флегматично отвѣчалъ онъ, продолжая путь.

Выкарабкались наконецъ на узкій гребень и ѣхали имъ долго; справа и слѣва тянулись глубокія, бездонныя пропасти. На самой вершинѣ открылась необъятная даль; видны были обрывы, лѣса, выжженныя долины, озера—все это казалось крохотнымъ и живописнымъ.

Спускъ, начавшійся по горѣлой тайгѣ, оказался не лучше подъема; онъ пролегалъ по болотистому лѣсу; цѣлая сѣть выступившихъ на поверхность земли кореньевъ создала лабиринтъ, въ которомъ лошади не знали, какъ ставить ноги, боясь защемить ихъ. Пробовали объѣзжать тропу стороной — еще хуже: пушистый болотный мохъ затянулъ все кругомъ и усугублялъ опасность, лошади скользили, садились на крупъ; узкія сойотскія сѣдла немилосердно жали и натирали ноги, а постоянные спуски по сорока-пяти градусному наклону заставляли опасаться паденія впередъ, черезъ голову коня.

Въѣхали въ тѣсное ущелье; утесы, обступившіе его, были покрыты съ одной стороны нѣжными лиственницами, подымавшими свои узорчатыя головки къ небу, съ другой — горѣлой тайгой. На днѣ ущелья, журча, бѣжала горная рѣка, которую мы много разъ пересѣкали и добрались наконецъ до свода изъ льда; переѣхали черезъ него, какъ по мосту, осторожно слѣдуя за проводникомъ. Ѣхали мы 22 іюня, и присутствіе снѣга въ глубинѣ ущелья свидѣтельствуетъ о тѣснотѣ его и высотѣ горъ кругомъ.

Берегомъ рѣки мы выбрались въ болѣе широкую и привольную долину Шанхана; кругомъ вздымались величавые утесы, покрытые громадными каменными осыпями, и горы, поросшія лѣсомъ; рѣка весело катила свои студеныя воды, безъ умолку напѣвая свою однообразную пѣсню.

Шанханъ слово татарское и въ переводѣ значитъ „Даръ хана“. Существуетъ преданіе, что знаменитый

Чингизъ подарилъ мѣстность, въ которой мы находились, одному изъ своихъ полководцевъ, давшему ей это̀ названіе.

Въ одномъ изъ пересѣкавшихъ ее ущелій расположились пріисковыя постройки Черневича.

Николай Михайловичъ Черневичъ, бѣлоусый, представительный старикъ польскаго типа, встрѣтилъ насъ у своего домика. На порогѣ его, укрѣпивъ зеркало на входной двери, съ намыленной щекой стоялъ англичанинъ, мистеръ Ноксъ, и брился.

Не успѣли мы перезнакомиться и войти въ комнаты, какъ хозяинъ уже засуетился; на столѣ быстро появился полный обѣдъ, показавшійся намъ необычайно вкуснымъ, а за нимъ и чай.

Къ обѣду собрались всѣ обитатели пріисковъ: два англичанина, пріѣхавшіе дѣлать горныя развѣдки, два члена зоологической экспедиціи, пріѣзжая дама съ сыномъ и мы двое.

Моросившій весь день дождь превратился въ непрерывный ливень, и мы отъ души радовались теплому и сухому пріюту.

То, что я называла „домомъ“, было не что иное, какъ одна комната, раздѣленная низкой, не доходившей до потолка, перегородкой, на двѣ неравныя половины; меньшая предназначалась для дамъ, въ большей, въ повалку, кто на полу, кто на коврѣ, а кто и просто на буркѣ, устраивалось на ночь мужское населеніе пріисковъ. Дверей въ перегородкѣ не имѣлось: замѣнялъ ихъ коверъ, опускавшійся на ночь.

Лежа въ постели, я долго слышала голосъ Черневича, разсказывавшаго мужу о мѣстныхъ неурядицахъ

и неладахъ, и шопотъ зоологовъ, собиравшихся на другой день ѣхать дальше.

Рано утромъ хозяинъ зашевелился, долго натягивалъ сапоги, кряхтѣлъ и, наконецъ, стуча каблуками, скрипнулъ дверью и вышелъ на дворъ. Едва я успѣла забыться сномъ, какъ вновь скрипнула дверь, хозяинъ вернулся и принялся будить всѣхъ.

Все зашевелилось; вздыхая и потягиваясь, всѣ подымались а гостья Черневича, неоднократно окликнутая имъ, заворчала:

— Боже ты мой, и вотъ каждый день такъ, живу здѣсь второй мѣсяцъ, и ни разу выспаться не далъ, только и отдыхаю, когда онъ уѣдетъ!

А неугомонный хозяинъ уже тормошилъ прислугу, торопя ее съ подачей чая; она топала босыми ногами и стучала посудой, накрывая на столъ.

Скоро мы собрались за чайнымъ столомъ, пасмурные и невеселые. Дождь, зарядившій съ вечера, лилъ съ удвоенной силой и ни объ отъѣздѣ, ни о прогулкахъ не могло быть и рѣчи; разговоръ не клеился.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, энергично поднялся англичанинъ, мистеръ Вайтъ.

— Плохой погода! заговорилъ онъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, работа нельзя, я поѣхалъ ловить харіусъ! И накинувъ макинтошъ, онъ скрылся за дверью. За нимъ вышелъ младшій изъ зоологовъ, вспомнивъ, что онъ оставилъ въ палаткѣ недопрепарированнаго дятла.

Черневичъ долго и охотно знакомилъ насъ съ краемъ и его климатическими и бытовыми особенностями. Мы съ интересомъ слушали; старожилъ и

одинъ изъ первыхъ русскихъ поселенцевъ въ Урянхаѣ, онъ хорошо изучилъ его; въ тоже время онъ являлся обладателемъ громадныхъ земельныхъ богатствъ: только въ одномъ хребтѣ Танну-ула ему принадлежитъ триста двадцать квадратныхъ верстъ съ богатѣйшими золотыми прiисками: на 100 пудовъ породы въ нихъ ходится до двадцати золотниковъ золота.

По разсказамъ Черневича, подтверждавшимся неоднократно впослѣдствiи многими старожилами, сойоты всегда относились къ русскимъ привѣтливо и доброжелательно и только въ послѣднiе годы, благодаря интригамъ мѣстныхъ богачей, русскихъ купцовъ, отношенiя эти измѣнились къ худшему.

Крестьяне, мало-по-малу пробирающiеся въ Урянхай изъ Сибири, стали поторговывать съ сойотами, и конкуренцiя ихъ явилась большой помѣхой купцамъ, привыкшимъ за грошевые товары вымѣнивать скотъ и дорогую пушнину.

Сойотамъ стали внушать, что крестьяне вскорѣ заберутъ у сойотовъ всю землю и вытѣснятъ ихъ изъ края; стали научать ихъ выживать русскихъ путемъ усиленной кражи скота, и довѣрчивые дикари слѣпо пошли по указанной имъ дорожкѣ.

— А край богатѣйшiй! Здѣсь жить бы да жить! восторгался своею новою родиною Черневичъ. Чего здѣсь нѣтъ: богатство, приволье, красота, охота —все есть!

Климатъ въ краѣ континентальный: лѣтомъ жара доходитъ почти до 50^0, зимою—до стольких же град, мороза. Зимою вѣтра не бываетъ и при тихой погодѣ

такой морозъ для бывалыхъ людей нечего страшнаго не представляетъ. Зато какая красота развертывается зимою, когда на синемъ фонѣ неба рисуются кругомъ серебряныя сверкающія горы и безпредѣльныя бѣлыя степи!

Промывка золота.

Къ полудню погода разгулялась, и можно было пойти посмотрѣть на промывку золота. Мы прошли сначала на работы англичанъ, гдѣ мистеръ Ноксъ, ни слова не говорившій по-русски, дѣлалъ буровыя изслѣдованія, весьма комично объясняясь съ русскими рабочими на англійскомъ языкѣ; затѣмъ направились къ желобамъ, гдѣ промывали золото.

Урянхай очень богатъ всякими ископаемыми, но кромѣ золота въ немъ ничто не разрабатывается влѣдствіе большой отдаленности и дикости края. Стоимость доставки грузовъ туда баснословная; провозъ только черезъ Саяны англичанами сравнительно небольшого бура для развѣдокъ золотоносныхъ мѣсторожденій обошелся имъ въ триста рублей.

Работы здѣсь ведутся самымъ примитивнымъ образомъ и при томъ исключительно старателями; вырабатываютъ они помногу: при насъ четверо человѣкъ занимались промывкой три часа и добыли около полутора золотника золота.

Хозяева платятъ старателямъ три рубля двадцать копеекъ за золотникъ, а сдаютъ его въ казну по четыре пятьдесятъ.

Въ Урянхаѣ всѣ рѣки золотоносны; старатели отводятъ воду изъ нихъ деревянными желобами въ особые пріемники—короба изъ досокъ, на дно которыхъ кладутся желѣзныя рѣшетки съ крупными ячейками; туда сваливаютъ привозимую въ тачкахъ землю и гальку и впускаютъ воду. Двое—трое старателей перемѣшиваютъ получающуюся гущу граблями и лопатой, золото осаждается на дно и попадаетъ подъ рѣшетку, а камни откидываются въ сторону. Цѣлыя груды ихъ высятся по берегамъ рѣкъ, гдѣ когда-либо происходила добыча золота.

Солнце было уже низко, когда мы вернулись къ домику и увидали на длинныхъ жердяхъ надъ костромъ какія-то, весьма неаппетитныя, черныя лохмы мяса;

оказалось, что зоологи готовили себѣ запасъ провизіи на дорогу и вялили мясо дикихъ козловъ.

Какъ мы убѣдились потомъ, мясо въ такомъ видѣ въ большомъ количествѣ потребляется всѣми жителями Урянхая; неоднократно ѣли его и мы и находили его вкуснымъ и питательнымъ. Большею частію его вялятъ на солнцѣ, но, если погода этого не позволяетъ, дѣлаютъ то же, и не менѣе удачно, на огнѣ. Намѣреніе зоологовъ выѣхать на другой день рано утромъ не осуществилось, такъ какъ одинъ изъ охотниковъ ихъ убилъ медвѣдя, и они остались, чтобы снять съ него шкуру.

Поздно вечеромъ долина огласилась ржаніемъ коней и говоромъ многихъ голосовъ. Всѣ мы высыпали на крыльцо и остановились, восхищенные картиной, выхваченной изъ древне-русскаго быта: цѣлая толпа бородатыхъ, загорѣлыхъ всадниковъ-охотниковъ, обвѣшанныхъ маральими и козьими рогами съ кожами и тушами убитыхъ животныхъ за сѣдлами, стояла подъ горкой у дома; они громко говорили съ обступившими ихъ „старателями“ и, несмотря на надвигавшуюся темноту, скоро поѣхали дальше: это были жители старовѣрческаго поселка Сосновки, черезъ который лежалъ нашъ путь.

Неугомонный хозяинъ разбудилъ насъ на другой день рано утромъ: мы напились чаю, распростились со всѣми и выѣхали, пользуясь ясной погодой и боясь очутиться въ дорогѣ въ полдневный жаръ. Измученные трудностями разъ уже сдѣланнаго пути, мы рѣшили ѣхать назадъ другой дорогой, черезъ ущелье р. Арголика. Проѣхавъ таежной тропой по вязкому

болоту черезъ невысокій перевалъ, мы спустились къ названной рѣкѣ и поѣхали по теченію ея, встрѣчая кое-гдѣ зимовья съ пріютившимися въ нихъ старателями.

Рѣка Арголикъ необычайно богата золотомъ; за нѣсколько дней до нашего пріѣзда на ней былъ найденъ самородокъ, вѣсомъ въ одинъ фунтъ двѣнадцать золотниковъ; протекаетъ она по такому узкому ущелью, что ширина дна его мѣстами не болѣе двухъ—трехъ аршинъ; теченіе рѣки очень быстрое, и проѣздъ по ней возможенъ только при низкомъ уровнѣ воды. Во время дождей вода въ Арголикѣ поднимается быстро и, сжимаемая утесами, бѣшено мчится внизъ, снося и разбивая о камни всѣ преграды, встрѣчающіяся на ея пути.

Постоянные переѣзды съ одной стороны Арголика на другую по каменистому дну утомляли нашихъ некованныхъ лошадей, а отвѣсные спуски и подъемы по едва проходимымъ, лѣпящимся по отвѣснымъ скаламъ шириною въ ладонь тропамъ, въ конецъ измучили и насъ. Уставшія осторожно спускаться лошади нерѣдко прыгали внизъ, ушибая всадника лукой узкаго сойотскаго сѣдла, и грозя ежеминутно грохнуть на камни черезъ голову его. Громадной толщины синевато-зеленыя глыбы льда перекидывались кое-гдѣ черезъ Арголикъ, образовывая красивые узорчатые своды, изъ-подъ которыхъ, пѣнясь и крутясь, вырывались прозрачныя воды рѣки. А проводникъ погонялъ, не щадя коней, съ безпокойствомъ поглядывая на быстро сгущавшіяся тучи.

Въ Нижне-Никольское мы вернулись послѣ безпрерывнаго семичасового утомительнаго пути и съ на-

спажденіемъ пересѣли въ коробокъ, чтобы ѣхать въ Сосновку.

Дорога шла степью черезъ деревню Верхне-Никольское; по правую сторону тянулся темный и суровый хребетъ Танну-ула, именуемый здѣсь русскими Нойонскимъ хребтомъ. Пересѣкли въ бродъ нѣсколько рѣчекъ и въѣхали въ старовѣрческую деревню Сосновку, перерѣзанную по всѣмъ направленіямъ мочагами; *) быстрыя и широкія рѣки съ шумомъ катили свои хрустальныя воды, заставляя работать нѣсколько мельницъ и вертя какія-то бочки съ крылатыми колесами наподобіе пароходныхъ. Богатые крестьяне Сосновки держатъ большое количество рогатаго скота и устраиваютъ эти бочки для сбивки масла, которое продаютъ скупщикамъ по восьми рублей за пудъ. Наливъ сливки утромъ въ бочки, вечеромъ вынимаютъ изъ нихъ желтое душистое масло: вода работаетъ безостановочно.

Остановились мы у домовитой и хозяйственной Марины Коваленковой. Типичная старовѣрка, съ фанатически загоравшимся взглядомъ, когда разговоръ касался религіи, она радушно насъ привѣтствовала, называла дорогими гостями и поставила на столъ рѣшительно все, чѣмъ было богато ея деревенское хозяйство. Появилась немедленно крынка густого, холоднаго молока, а черезъ полчаса—десятка два вареныхъ яицъ, молочная яичница, сибирскія шаньги, блинчики, пельмени и шарики пшеничнаго тѣста; все было густо пропитано топленымъ масломъ и показа-

---

*) Оросительныя канавы.

лось весьма тяжелымъ для нашихъ городскихъ желудковъ; отказываться не было никакой возможности, такъ какъ хозяйка кланялась и весьма настойчиво просила „дорогихъ гостей откушать".

Народу между тѣмъ набралось цѣлая изба: сначала пришли бабы и дѣвки, изъ-за спинъ которыхъ то и дѣло высовывались кудрявыя головенки, съ вопросительно любопытными глазами, затѣмъ подошли солидные бородачи съ загорѣлыми лицами.

— Здравствуйте! говорили они, степенно кланяясь и опускаясь на лавку; пришли петроградскихъ гостей посмотрѣть, новостей послушать!

Выслушавъ интересовавшія ихъ, чисто мѣстнаго характера, вѣсти, они заговорили о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Горько жаловались всѣ на воровство сойотовъ, достигшее у нихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Сосновцы поселились въ тѣхъ краяхъ всего три года тому назадъ, и за это время у нихъ украдено четыреста головъ скота; есть дома, гдѣ украдено по двѣнадцати и болѣе головъ, что привело ихъ къ полному разоренію.

Жители Сосновки—переселенцы изъ Томской губ. Уймонской волости,—считаются здѣсь народомъ непріятнымъ и безпокойнымъ.

— Нехорошій народъ, непосѣдливый! говорило намъ про нихъ ихъ начальство въ с. Усинскомъ.

А на насъ эти „безпокойные люди" произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Мужики они солидные, работящіе; живутъ домовито; хлѣбопашествомъ, правда, занимаются мало: виной тому, какъ и вообще по всему Урянхаю, ранніе морозы, но скота у нихъ

много; сѣна косятъ громадное количество, занимаются выдѣлкой масла и кожъ и много охотничаютъ.

Причина, благодаря которой они прослыли «нехорошимъ народомъ»,—ихъ вѣчное стремленіе къ поискамъ лучшаго, новыхъ мѣстъ—словомъ, земли обѣтованной. „Землепроходы", какъ зовутъ въ Сибири такихъ людей, являются въ сущности цѣннымъ элементомъ для государства, ищущимъ новыя мѣста и культивирующимъ отдаленныя окраины. Постоять за себя они умѣютъ и избавляются отъ своихъ враговъ хитростью и далеко не невинными средствами. Любопытную исторію разсказалъ намъ про сосновцевъ одинъ изъ урянхайскихъ старожиловъ.

«Пріѣхали уймонцы, говорилъ онъ, и стали въ степи своихъ коней пускать съ бубенцами, чтобы потомъ легче ихъ найти было. Запримѣтили это сойоты и какъ бубенецъ заслышутъ, скачутъ туда и въ ночь коня, либо двухъ стянутъ. Что тутъ дѣлать? Горюютъ Уймонцы, а какъ горю пособить, не знаютъ. По начальству жаловались, да не заступилось оно за нихъ—чужой край, не русскій! Терпѣли, терпѣли они, да и надумались. Спряталось ночью человѣкъ съ десятокъ съ ружьями въ кустахъ и бубенчики съ собой взяли; сидятъ да позваниваютъ. Долго въ кустахъ сидѣли они; вдругъ видятъ—сойотъ изъ кустовъ на нихъ крадется. Ну, ухлопали его конечно; на другую ночь еще двухъ, да такъ, говорятъ, человѣкъ двѣнадцать и покончили, а мертвыхъ потомъ за ноги да въ рѣку; плыви себѣ съ Богомъ куда хочешь!

Много такихъ грѣховъ на совѣсти у сосновцевъ,

добавилъ онъ, да шибко народъ дружный, концы хоронить умѣютъ!..»

Интересенъ расказъ одного изъ жителей названнаго села, какъ они въ Урянхай жить пришли и какъ здѣсь устраиваться стали. Интересенъ онъ потому, что точно такъ же шло заселеніе всего Урянхая русскими.

«Послали мы, говорилъ онъ, впередъ ходоковъ; они намъ мѣсто выбрали, пограничные билеты себѣ выхлопотали, и двѣ семьи насъ сюда жить пріѣхало. Юртъ сойотскихъ поблизости не было. Палатки раскинули и стали лѣсъ себѣ на избы валить.

Откуда ни возмись, какъ саранча, налетѣли сойоты, галдежъ подняли, лѣсъ рубить не даютъ. Мы и такъ и эдакъ ихъ урезониваемъ—ничего не помогаетъ!

— На что лѣсъ рубите?—спрашиваютъ.

— Избы ставить хотимъ!

— Не ваша земля, избы ставить не дозволимъ, говорятъ.

Мы къ русскому начальству.

— Ничего подѣлать не можемъ, отвѣчаетъ, земля не русская, дозволятъ вамъ сойоты строиться—хорошо, не дозволятъ—уѣзжать придется!

Поѣхали мы назадъ къ сойотскому начальству, сахару, чаю, четверть водки повезли. Лѣсу нарубить позволили, а строиться не даютъ; а ужъ осень на дворѣ, холода, дождь ливмя льетъ, ребятишки ревутъ, бабы зябнутъ... Стали на зиму землянки себѣ рыть, печку сложили, хлѣбъ въ ней печемъ, да знай, пока что въ палаткѣ мерзнемъ. А тутъ медвѣдь ходить повадился, скотину, а то и двѣ въ ночь задеретъ; стали

его выслѣживать, а онъ тѣмъ временемъ у самой палатки ночью печь разворотилъ, да хлѣбъ, что въ ней пекся, повыталкалъ. Убили наконецъ медвѣдя.

Зиму въ землянкѣ перебѣдовали, а весной опять съ подарками къ сойотскимъ начальникамъ поѣхали. Разрѣшеніе избы выстроить наконецъ получили.

Началась бѣда съ покосами—траву косить не позволяютъ. Никакихъ сойотовъ кругомъ нѣтъ, а какъ косить начнемъ, сто хозяевъ на каждую луговину находится. Опять пошли въ ходъ подарки, да задабриванія вліятельныхъ лицъ.

И такъ вотъ лестью, подарками и большими затратами приходилось отстаивать каждый клочокъ земли. А наше начальство смотритъ, и на все одинъ отвѣтъ: „земля не наша, спрашивайте разрѣшенія у сойотовъ!"

Мы прожили въ Сосновкѣ три дня и на разсвѣтѣ четвертаго двинулись дальше въ пустынную степь, гдѣ уже нѣтъ ни деревень, ни заимокъ: Сосновка—послѣдній русскій этапъ въ южномъ направленіи. Мнѣ нужно было посѣтить найона.

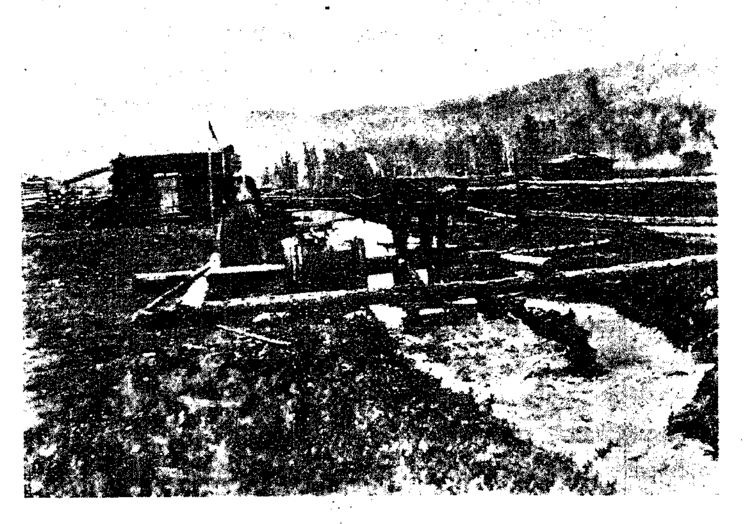
Насъ везъ Гаврила, мужъ Марины. Дорога шла на Рыбное озеро, отстоящее на семнадцать верстъ отъ Сосновки и получившее свое названіе отъ необычайнаго обилія въ немъ рыбы.

— Прошлый годъ, разсказывалъ Гаврила, насъ пять человѣкъ рыбачили и дивно рыбы наловили (сибиряки употребляютъ слово „дивно" въ смыслѣ много) рыбачили часовъ съ шесть, а семнадцать возовъ рыбы наловили, почитай весь годъ ею кормились! А теперь вотъ начальство здѣсь рыбачить не велитъ. Сойоты,

здѣсь авву поставили и священнымъ озеро объявили, а мы безъ рыбы сидимъ....

— И что жъ, такъ и не ловите?

— Да, по совѣсти сказать, бываетъ... ночью; да мало только приходится: все сойотскія юрты кругомъ

Маслобойки въ д. Сосновкѣ.

стоятъ—какъ увидятъ, нойону жаловаться ѣдутъ, а тотъ начальство безпокоитъ—вотъ мы и боимся!

Рыбное озеро представляетъ собой остатокъ громаднаго воднаго пространства, залегавшаго когда-то между горными хребтами; длина его семь, ширина пять верстъ. Цвѣтъ воды его молочно-зеленоватый напоминаетъ море, а песчаное, мягкое дно, очень пріятно для купанья.

За Рыбнымъ озеромъ потянулась гладкая, почти выжженная степь; жалкіе остатки ковыля, съ его плотно сросшимися корнями, постоянно попадая подъ колеса, немилосердно трясли коробокъ; ѣхали прямо черезъ степь, безъ дороги, такъ какъ виднѣвшіяся верховыя тропы, по словамъ Гаврилы, завели бы насъ далеко въ сторону. Вдали чернѣлъ большой сосновый боръ, черезъ который лежалъ нашъ путь; мы собирались заночевать въ сойотскомъ монастырѣ, называемомъ здѣсь „хурре."

День клонился къ вечеру; пробѣжавшія больше шестидесяти верстъ лошади съ трудомъ передвигали по песку ноги, а тропы, на которую, по словамъ Гаврилы, мы давно должны были выѣхать, не было и слѣда. Сопровождавшій насъ верхомъ Жужелъ, сосредоточенно молчалъ, отъѣзжалъ изрѣдка въ сторону, искалъ дорогу и потиралъ болѣвшія отъ верховой ѣзды колѣни.

— Какъ-то мы черезъ лѣсъ поѣдемъ? заговорилъ Гаврила; тамъ песку дивно, по ступицу увязнемъ.

Зоркіе глаза Жужела открыли въ эту минуту чуть замѣтную тропу, которой рѣшено было держаться; она привела насъ къ бору и затерялась въ его пескахъ.

Поѣхали прямикомъ, лавируя между толстыми соснами и то и дѣло спускаясь и подымаясь на горки большой крутизны. Сойотъ ткнулъ пальцемъ въ землю и сказалъ:

— Здѣсь коза есть, промышлять (охотиться).

Нагнувшись, мы съ трудомъ различили на сыпучемъ пескѣ слѣды тонкихъ ножекъ горной козы.

— А вотъ и дорога! обрадовался Гаврила, выѣзжая

на узкую, загроможденную кое-гдѣ поваленными соснами тропу. Начавшаяся опять степь, тянулась верстъ десять и привела насъ къ полуразвалившимся пагодамъ, внезапно вынырнувшимъ въ котловинѣ изъ-за группы деревьевъ.

Ни души не было видно кругомъ. Мы послали Жужела впередъ. Онъ долго вертѣлся около совершенно мертвыхъ построекъ, пока не наткнулся на полуголаго сойота, сидѣвшаго почему-то на частоколѣ, огораживавшемъ одну изъ пагодъ.

Къ намъ тѣмъ временемъ подошли двое босоногихъ ламъ и затараторили на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи. Присутствіе Жужела сдѣлалось необходимымъ. Окликнутый нѣсколько разъ нами, онъ вынырнулъ изъ бокового переулка и принялся присѣдать и раскланиваться съ ламами.

Больно и обидно становилось за человѣческое достоинство: нашъ Жужелъ, съ вполнѣ осмысленнымъ лицомъ и опрятно одѣтый, кланялся и, повидимому, робѣлъ какихъ-то грязныхъ оборванцевъ, а они нагло наступали на насъ и требовали какихъ-то объясненій.

Всѣ пагоды оказались наглухо закрытыми, и мы попросили разрѣшенія переночевать въ одной изъ виднѣвшихся въ отдаленіи избъ русскаго типа. Ламы отрицательно закачали бритыми головами (отличительный признакъ ламъ) и привели насъ къ грязной и вонючей юртѣ, въ которой мы не рѣшились остановиться и, отъѣхавъ на полверсты дальше, раскинули палатку въ песчаной котловинѣ у ручья подъ тѣнистой лиственницей.

Вечеръ былъ теплый и тихій; пустили лошадей на

траву и, разложивъ костеръ, принялись варить макароны. Начинало смеркаться; нѣсколько ламъ, какъ тѣни, вынырнули изъ темноты и съ совершенно обезьяньими ужимками расположились неподалеку отъ насъ. Они ждали подачки съ нашей стороны. Просидѣвъ довольно долго и не получивъ ничего, часть ихъ лѣниво встали и поплелись во свояси; остались сидѣть только двое.

Жужелъ, согрѣвшій намъ чай и намѣревавшійся самъ приступить къ своей вечерней трапезѣ, съ виноватой улыбкой обратился ко мнѣ:

— Надо архіереевъ угощать, и наливъ въ свою большую полоскательную чашку чаю, подалъ имъ, затѣмъ протянулъ имъ небольшой ломоть пшеничнаго хлѣба (ржаной хлѣбъ здѣсь рѣдкость, и намъ всего раза два, и то съ большимъ трудомъ, удавалось достать его).

„Архіереи" съ жадностью набросились на чай, макали туда хлѣбъ и поочередно прихлебывали его изъ чашки. Опорожнивъ, они передали ее переводчику, который тотчасъ принялся за чаепитіе самъ, затѣмъ, наполнивъ чашку, снова протянулъ ее ламамъ.

Заговорившись съ мужемъ и переставъ обращать на нихъ вниманіе, я вздрогнула отъ раздавшихся внезапно странныхъ рычаній и только поднявъ голову, сообразила, что „архіереи" рыгаютъ, и что это изъявленіе восточнаго довольства угощеніемъ.

Слова: „благодарю", „спасибо" сойоты никогда не употребляютъ и вышеописанный способъ благодарить является единственнымъ признакомъ наилучшаго воспитанія.

Поздно вечеромъ мы забрались въ неудобную, са-

модѣльную палатку ямщика Гаврилы и едва успѣли забыться сладкимъ сномъ, какъ были разбужены сильнымъ дождемъ, забарабанившимъ по полотну надъ нами. Кутаясь въ одѣяло и устраиваясь поудобнѣй съ намѣреніемъ продолжить прерванный сонъ, я вдругъ почувствовала весьма непріятный холодокъ отъ подушки и, схватившись за нее, убѣдилась, что она мокра; палатка оказалась рѣшетомъ, свободно пропускавшимъ воду. На сцену появились спасительныя бурки; растянувъ ихъ во всю длину, мы покрылись ими съ головой и, ежась, съ нетерпѣніемъ ждали утра. Поднялись рано и, выйдя изъ палатки, такъ и ахнули: вся трава была бѣла; было 29 іюня и, небывалое явленіе у насъ, сильный утренній морозъ сковалъ окрестность.

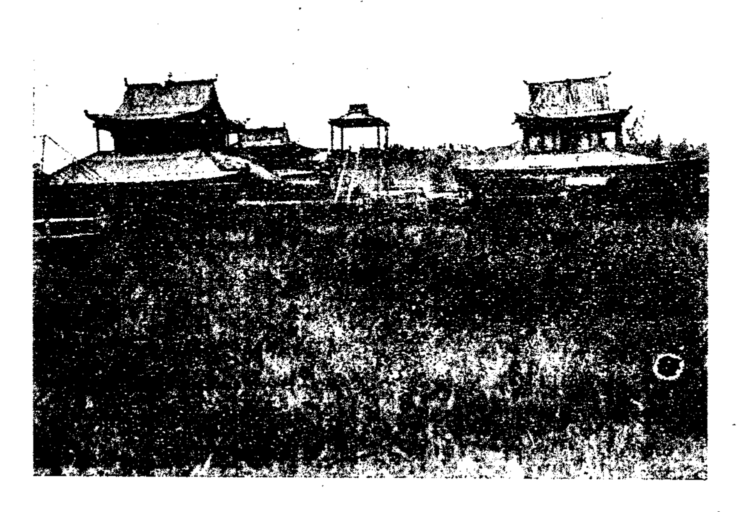
Напившись чаю, пошли осматривать хурре. Престарѣлый лама встрѣтилъ насъ съ мрачнымъ видомъ, отвѣчалъ на вопросы неохотно и на просьбу показать намъ молельни угрюмо отвѣтилъ, что старшаго ламы нѣтъ дома и безъ него сдѣлать этого никто не смѣетъ. Ламы вообще очень недоброжелательно относятся къ русскимъ, не безъ основанія полагая, что съ обрусеніемъ края падетъ не только ихъ значеніе, но и самъ собой уничтожится смыслъ существованія этой алчной касты дармоѣдовъ, запугивающей сойотовъ и внушающей имъ разныя суевѣрныя представленія о злыхъ и добрыхъ богахъ.

Каста эта очень многочисленна и жадна необычайно: ламы не стѣсняются за свои требы уносить самое убогое имущество и уводить послѣдній скотъ у бѣдняковъ.

Какихъ размѣровъ достигаетъ ихъ грабежъ, пока-

зываетъ имѣвшій недавно мѣсто случай, когда ламы за молебенъ о здоровіи (неудачный къ тому же) богатаго умирающаго сойота взяли на наши деньги двѣ тысячи рублей.

Мы рѣшили пройти и осмотрѣть хотя бы внѣшній видъ пагодъ, заключавшихъ въ себѣ молельни.

Хурре. (Сойотскій монастырь).

Ворота, ведшія къ одной изъ нихъ, были широко раскрыты; къ верхнимъ угламъ ея были подвѣшены молитвенные колокольчики, тихо звонившіе отъ вѣтра. Колокольчики эти висѣли на длинныхъ веревкахъ; къ языку ихъ прикрѣплена легкая дощечка, съ начерченной на ней молитвой; вѣтеръ тихо раскачивалъ до-

щечку и приводилъ въ движеніе язычокъ. Изъ молельни слышалось какое-то бормотаніе, часто прерывавшееся рѣзкимъ звукомъ звонка. Мы вошли въ нее.

Прямо передъ нами изъ кусковъ разноцвѣтнаго шелка было устрено подобіе иконостаса: за нимъ по обѣ стороны молельни стояли черныя, обтянутыя клеенкой скамейки. Направо, на одной изъ нихъ, на красномъ коврѣ, сидѣлъ лама, что-то бормоталъ, изрѣдка перекладывая лежавшіе передъ нимъ листки и время отъ времени яростно звонилъ въ колокольчикъ. Около него стояло блюдо ячменя, зерна котораго онъ раскидывалъ по полу. Далѣе, посрединѣ стояло изображеніе Будды, а по сторонамъ разныхъ духовъ. Одинъ изъ нихъ былъ очень страшенъ. Передъ ними размѣщались зажженныя лампады, сосуды съ какими-то зернами, саломъ и творогомъ. Мы дали ламѣ двугривенный, онъ радостно принялъ его и забормоталъ съ еще большимъ усердіемъ.

Изъ другой, рядомъ стоявшей, молельни доносились звуки бубна и литавровъ. Мы вошли въ нее.

Точно въ такомъ же положеніи и почти въ такой же обстановкѣ сидѣлъ другой лама, бормоталъ и раскидывалъ зерна. Оба они были въ полномъ одиночествѣ. Постоявъ нѣкоторое время и давъ и ему двугривенный, мы вышли и, свернувъ въ сторону, стали осматривать монастырскія постройки: все было ветхо и въ полуразваливающемся видѣ; пагоды покосились, и на крышахъ многихъ не хватало досокъ, такъ что довольно сильный въ этотъ день вѣтеръ свободно гулялъ въ пагодахъ. Всѣ онѣ были окружены частоколами и, немногочисленныя улицы и узкіе пе-

реулки монастыря представляли собою сплошные ряды огороженныхъ домиковъ и пагодъ.

Въ десять часовъ утра мы выѣхали дальше; въ степи то и дѣло попадались древнія монгольскія могилы. Ѣхали долго по нестерпимой жарѣ, спрашивая весьма рѣдко попадавшихся встрѣчныхъ сойотовъ о мѣстѣ жительства сальджакскаго нойона, кочевавшаго лѣтомъ по теченію рѣки Брени.

Нѣсколько разъ получая невѣрныя свѣдѣнія, плутая и сомнѣваясь въ вѣрности взятаго направленія, доѣхали наконецъ къ вечеру до ставки нойона. Не зная сойотскаго этикета, рѣшили послать впередъ Жужела съ извѣщеніемь, что петроградскій нойонъ пріѣхалъ въ гости къ сальджакскому и проситъ указать мѣсто, гдѣ онъ могъ бы разбить свою палатку.

Жужелъ вдругъ весь какъ-то съежился и поѣхалъ въ совершенно противоположную сторону той, гдѣ стояла нойонская юрта, отличавшаяся отъ прочихъ кое-какими, весьма несложнаго вида украшеніями изъ красной матеріи. Подождавъ его и видя, что онъ долго не возвращается, мы спустились въ красивую долину, гдѣ расположилась ставка нойона.

Тотчасъ со всѣхъ сторонъ къ намъ устремились грязные, съ непокрытыми головами, оборванные сойоты, они окружили насъ и громко галдѣли. Отъ нойонской юрты отдѣлился и важно подошелъ къ намъ молодой сойотъ въ шелковомъ засаленномъ халатѣ, съ соломенной шляпой на головѣ. Нашъ ямщикъ пояснилъ, что это сынъ нойона.

Онъ долго смотрѣлъ на насъ и отдалъ затѣмъ какое-то распоряженіе; одинъ изъ сойотовъ побѣжалъ

и скоро вернулся въ сопровожденіи начальника: китайская шапка съ шарикомъ изобличала въ немъ чиновника.

Вернувшійся къ этому времени Жужелъ съ присѣданіями раскланивался и дрожащимъ и заплетающимся языкомъ о чемъ-то его спрашивалъ. Вся коричневая рваная толпа съ оживленіемъ слѣдила за разговоромъ, затѣмъ закричала, затараторила и стала указывать грязными пальцами куда-то въ сторону. Мы сообразили, что они указываютъ мѣсто для нашей стоянки, но мужъ не захотѣлъ останавливаться около юртъ, и, повернувъ лошадей, мы въѣхали на зеленую лужайку, окруженную рѣдкой растительностью, на самомъ берегу быстрой и широкой рѣки Брени. Гаврило раскинулъ палатку, и мы наскоро стали смывать дорожную пыль, готовясь нанести визитъ нойону.

— Ну, пошли теперь чистоту наводить! кинулъ иронически Гаврило, глядя на нойонскую юрту, виднѣвшуюся саженяхъ въ ста отъ насъ. Около нея дѣйствительно шла возня: выносили и вытаскивали кошмы, подушки—все это вытряхивалось и выбивалось, и въ изобиліи летѣвшая пыль доказывала, что глава сойотовъ живетъ немногимъ чище подчиненной ему „коричневой рвани“.

Переждавъ, пока все успокоится, послали Жужела узнать, можетъ ли нойонъ насъ принять, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мы захватили приготовленные подарки и направились къ его юртѣ. Вся толпа сойотовъ бѣжала вслѣдъ за нами и почтительно разступилась у дверей, пропуская насъ впередъ

Мы очутились въ кругломъ, довольно просторномъ и полутемномъ помѣщеніи; посрединѣ тлѣлъ костеръ, дымъ отъ котораго прозрачными струйками подымался и выходилъ въ четырехугольное отверстіе, продѣланное въ куполѣ изъ войлока; два китайскихъ кувшина съ какой-то бурой жидкостью тихо шипѣли. По правую сторону костра, какъ два безжизненныхъ истукана, сидѣла нойонская чета; глаза ихъ, равнодушные и спокойные, были устремлены на насъ. Старшій сынъ ихъ стоялъ рядомъ съ матерью, а между нею и мужемъ помѣщался маленькій сойотенокъ, въ одномъ грязномъ халатѣ, и безпечно болталъ ногами: это былъ младшій сынъ сойотскаго властелина.

Поздоровавшись, мы сѣли по другую сторону костра на приготовленныя для этой цѣли кошмы и подушки. Вся орда сопровождавшихъ насъ сойотовъ безшумно и почтительно ввалилась вслѣдъ за нами и остановилась у дверей въ глубокомъ молчаніи; царившая въ юртѣ тишина нарушалась только монотоннымъ чтеніемъ ламы, сидѣвшаго у подножія божницы, расположенной прямо противъ входа въ юрту.

Вся внутренность ея была затянута цвѣтной шелковой матеріей: красный цвѣтъ преобладалъ. Божница была въ чисто китайскомъ стилѣ и зажженныя на ней лампады тускло горѣли.

Рядомъ съ нами, ближе къ входу, стояли деревянныя кадки, испускавшія острое зловоніе; тутъ же висѣлъ на высокой подставкѣ большой кожаный мѣшокъ съ узкимъ отверстіемъ наверху, также какъ и кадки, наполненный молокомъ и распространявшій

остро-кислый запахъ, пропитавшій всю юрту и нестерпимо бившій въ носъ непривычному посѣтителю.

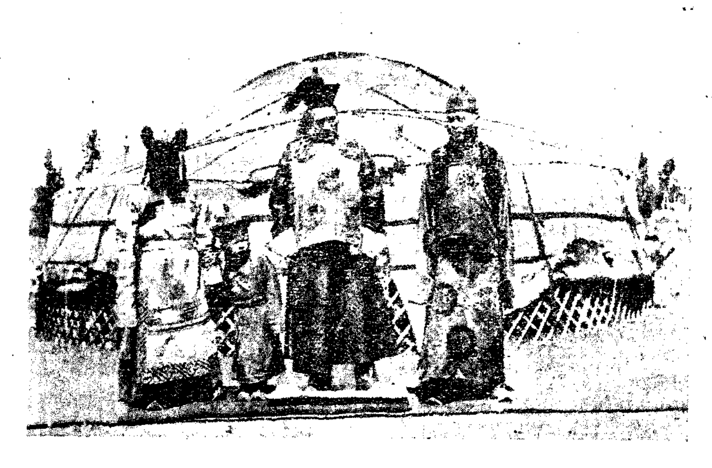
Отъ толпы, весь согнувшись, отдѣлился Жужелъ и, подойдя къ божницѣ, положилъ земной поклонъ; онъ держалъ въ рукахъ кусочекъ шелковой матеріи, который и принесъ въ даръ богамъ, положивъ его у ногъ изображенія Будды; затѣмъ онъ подошелъ къ нойону и, распростершись передъ нимъ, протянулъ ему обѣ руки ладонями вверхъ. Нойонъ положилъ на его руки свои и принялъ протянутый ему шелковый платокъ. Продѣлавъ всю эту церемонію, Жужелъ отошелъ и сѣлъ неподалеку отъ насъ на полъ, поджавъ ноги. Сѣли точно такъ же и всѣ находившіеся въ юртѣ сойоты.

Чиновникъ, видѣнный нами уже ранѣе, по знаку нойонши отдѣлился отъ толпы и, принявъ изъ рукъ близъ стоявшаго сойота двѣ фарфоровыя китайскія чашки, подошелъ къ костру, наполнилъ ихъ изъ кувшиновъ и поставилъ передъ нами на скамеечку, размѣрами и формой своей ничѣмъ не отличавшейся отъ нашихъ ножныхъ. Сойотка, очевидно одна изъ приближенныхъ нойонши, поставила на нее тарелку жаренаго проса, сверхъ котораго лежалъ толстый кусокъ пропитанной жиромъ подсохшей молочной пѣны; все имѣло грязный, неопрятный видъ.

Мы съ гадливостью смотрѣли на предложенное угощеніе, боясь отказомъ своимъ обидѣть хозяевъ. Мужъ наконецъ отважился и хлебнулъ изъ чашки.

— Совсѣмъ не такъ скверно! сказалъ онъ мнѣ; глотни хоть разъ!

Я сдѣлала глотокъ, стараясь не касаться краевъ грязной чашки и ощутила вкусъ крѣпкаго, слегка соленаго чая. Кусочекъ пѣнки, взятый мною въ ротъ, едва не возымѣлъ дѣйствіе рвотнаго и глотокъ той же бурой жидкости съ трудомъ отбилъ отвратительный вкусъ ея.

Сальджакскій нойонъ и его семья.

Нойонъ важно сидѣлъ въ своемъ синемъ шелковомъ халатѣ и обмѣнивался односложными фразами съ Жужеломъ, который, дрожа и заикаясь, съ трудомъ переводилъ ихъ мужу.

Подозрительный, какъ и всѣ восточные народы, нойонъ тщетно старался выпытать скрытый смыслъ

нашего визита и не вѣрилъ, что мы пріѣхали просто повидать его.

Послѣ ряда мало интересныхъ вопросовъ онъ выпрямился и гордо спросилъ, видѣли ли мы его домъ въ степи.

Мы, дѣйствительно, проѣзжали мимо какихъ-то невзрачнаго вида построекъ и были не мало удивлены, узнавъ, что онѣ составляютъ предметъ гордости сальджакскаго нойона. Потомъ, изъѣздивъ весь Урянхай, мы поняли его психологію: ни у кого изъ сойотовъ, даже у хамбо-ламы и кемчикскаго нойона, не имѣлось избы— всѣ они жили въ юртахъ.

Жена нойона сидѣла молча, погрузившись въ разсматриваніе привезенныхъ нами подарковъ. Особымъ вниманіемъ ея пользовались подаренныя ей бусы и металическая блестящая коробочка; душистое мыло приводило, повидимому, ее въ полное недоумѣніе, а дорогіе серебряные стаканы, подаренные мужемъ нойону, не вызвали къ себѣ со стороны ея ни малѣйшаго вниманія.

Визитъ носилъ нудный, томительный характеръ, и мы, попросивъ у нойоона разрѣшеніе снять съ него на другой день фотографію, поспѣшили удалиться.

На слѣдующее утро встали поздно и едва успѣли поѣсть ухи, сваренной намъ Гаврилой изъ только что изловленныхъ харіусовъ, какъ взволнованный Кужелъ прибѣжалъ сказать, что къ намъ идетъ сынъ нойона.

Онъ подходилъ солидно, не торопясь; по дорогѣ зашелъ въ одну-двѣ юрты и затѣмъ уже присѣлъ около насъ; его младшій братъ, успѣвшій скинуть тя-

готившій его халатъ и очутившійся въ костюмѣ Адама, весело бѣжалъ за нимъ.

Началось угощеніе чаемъ старшій велъ себя чинно и церемонно, младшій сразу напустился на конфеты и поглощалъ одну за другой, бросая пустыя бумажки тремъ своимъ товарищамъ, жадно за нимъ слѣдившимъ. Одинъ изъ нихъ попробовалъ было завладѣть оброненнымъ имъ кускомъ конфекты, но малышъ, которому было не болѣе пяти-шести лѣтъ, прекрасно понимавшій преимущества своего нойонскаго происхожденія, ударилъ мальчишку со всего маху кулакомъ по щекѣ, и бѣдный сойотенокъ, очевидно воспитанный въ должномъ почтеніи къ властямъ, проглотилъ обиду молча.

Конфеты подходили къ концу, малышъ всталъ и, отойдя на нѣсколько шаговъ, долго раздумывалъ, косясь на нихъ, затѣмъ, какъ коршунъ, налетѣлъ на остатки, загребъ ихъ быстро своей грязной, загорѣлой рученкой, и не успѣлъ старшій братъ опомниться, какъ отъ маленькаго дикаря не осталось и слѣда.

Гость долго сидѣлъ, осторожно и политично выспрашивая цѣль нашего пріѣзда и, не добившись ничего, сдержанно сказалъ:

— Нойона обѣщали снять!

Мы тотчасъ изъявили согласіе, о чемъ онъ пошелъ предупредить отца, прося насъ притти вслѣдъ за нимъ.

Юрта восточнаго тирана, по своему усмотрѣнію распоряжающагося жизнью и смертью своихъ подданныхъ, была полна народа. Насъ встрѣтили менѣе це-

ремонно чѣмъ вчера, и, усадивъ на тѣ же кошмы и подушки, попросили подождать.

Мы сѣли и съ интересомъ наблюдали происходившее кругомъ.

Неизмѣнный лама скрылся, прочитавъ положенное количество молитвъ; набившіеся въ юрту сойоты, расположились живописной группой у входа, попивая кислое молоко изъ передававшейся изъ рукъ въ руки деревянной чашки. Изрѣдка кто-либо изъ нихъ приподымался, прислуживая своему властелину.

Намъ было предложено то же угощеніе, что и наканунѣ, съ добавкой совершенно прѣснаго творожнаго сыра; мы едва прикоснулись къ нему, отвлеченные интересной сценой.

Нойонша, подойдя къ мужу, стала расплетать его густую косу; она соторожно высвободила вплетенный въ нее толстый шелковый шнуръ и начала расчесывать волосы по прядкамъ. Церемонія расчесыванія волосъ, очевидно, происходитъ у нойона не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ: волосы, неоднократно смачиваемые водой, набиравшейся нойоншей въ ротъ, съ трудомъ поддавались гребенкѣ.

Когда коса была заплетена, заботливая супруга взяла фарфоровую чашку, вылизала ее языкомъ и наполнила чаемъ, который нойонъ, утомленнымй долгимъ расчесываніемъ, съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ.

Приступили къ церемоніи одѣванья.

Все въ юртѣ зашевелилось: каждый выбѣгалъ и возвращался, осторожно неся какую-нибудь часть нойонскаго туалета. Нойонъ сидѣлъ сначала безучастно-затѣмъ принялся не торопясь разоблачаться. Не стѣс-

няясь ничьимъ присутствіемъ, онъ снималъ одну вещь за другой, пока не остался наполовину голый, въ однихъ шароварахъ; ему подали синій подкафтанникъ, называемый у сойотовъ „хойланъ"; онъ надѣлъ его прямо на голое тѣло, сверху натянулъ кофейнаго цвѣта шелковый халатъ,—„тонъ", до пояса покрытый „калтазеномъ" синяго цвѣта, широкой китайской кофтой. На ноги надѣлъ толстые, стеганные на ватѣ, чулки, поверхъ которыхъ натянулъ китайскіе же громадныхъ размѣровъ сапоги.

Туалетъ его заканчивала китайская, весьма неудобная для ношенія и некрасивая по формѣ шапка, съ шарикомъ и пучкомъ развѣвающихся по вѣтру павлиньихъ перьевъ. Видъ его живо напомнилъ мнѣ пыжащагося индѣйскаго пѣтуха.

Сойоты очень падки до внѣшнихъ украшеній: все яркое, блестящее прельщаетъ ихъ. Разсказываютъ, что кемчикскій нойонъ (весь Урянхай раздѣленъ на пять хошуновъ или княжествъ и каждый хошунъ имѣетъ своего нойона), заплатилъ нѣсколько лѣтъ назадъ китайцамъ свыше двадцати тысячъ на русскія деньги за право ношенія краснаго шарика на шапкѣ.

Супруга нойона облачилась въ ярко синій шелковый халатъ и бобровую шапку, расшитую дешевыми стеклянными бусами, тоже странной и неуклюжей формы съ лентами позади.

Старшій сынъ одѣлся въ халатъ цвѣта бордо, а младшій, долго воевавшій и брыкавшійся, въ китайскіе высокіе сапоги и грязненькій халатикъ.

Сдѣлавъ съ нихъ два удачныхъ снимка, мы вернулись въ палатку и стали ждать отвѣтнаго визита.

Вскорѣ показался нойонъ, переодѣвшійся въ прежній, менѣе парадный костюмъ.

Его вели подъ руки два чиновника; немного поодаль шла его жена со своими сыновьями.

Мы размѣстили ихъ на буркахъ, сами сѣли на брезентъ и принялись угощать нашимъ скуднымъ дорожнымъ запасомъ.

Голый сойотенокъ явился съ пустой коробкой отъ подаренныхъ мною его матери наканунѣ конфетъ и, забравъ всѣ поданныя мною на столъ конфеты, быстро испарился.

Нойонъ съ женой сѣли рядомъ и принялись пить съ аппетитомъ чай. Она налегла на сахаръ, накладывала его полчашки, выпивала чай и снова протягивала чашку; бѣлый хлѣбъ ей тоже очень нравился, и она уничтожала его, не стѣсняясь.

Остававшіеся у нея куски она бросала какъ собокамъ своей свитѣ, которая на лету подхватывала и ѣла ихъ.

Надо вообще замѣтить, что сойоты хлѣба совсѣмъ не знаютъ и почти не употребляютъ его: они питаются исключительно молочной и мясной пищей. Получая изрѣдка хлѣбъ отъ русскихъ, они ѣдятъ его съ аппетитомъ; онъ имъ нравится настолько, что въ настоящее время они начинаютъ, несмотря на прирожденную лѣнь, заниматься земледѣліемъ, пріобрѣтая отъ русскихъ земледѣльческія орудія. Сѣютъ они главнымъ образомъ просо.

Нойону мы, кажется, больше всего угодили нюхательнымъ табакомъ; онъ какъ взялъ поданную ему осьмушку, такъ и ушелъ, не выпустивъ ее изъ рукъ.

Мужъ успѣлъ разговориться съ сойотскимъ властелиномъ при помощи Жужела. Нойонъ разспрашивалъ его о Петроградѣ.

— Какъ велика эта деревня?

Зная, что сойотскій языкъ обогатился новымъ словомъ „деревня“ только съ водвореніемъ въ краѣ русскихъ и что сойоты никакого понятія о „городѣ“ не имѣютъ, мужъ отвѣтилъ, что деревня Петроградъ такъ велика, что займетъ не только долину, въ которой мы расположились, но и всѣ окрестности на много „дней“ кругомъ.

Послѣднее выраженіе чисто сойотское, такъ какъ они не имѣютъ понятія о мѣрахъ разстоянія, и если ихъ спрашиваютъ, далеко ли до такой-то юрты, они отвѣчаютъ: „Да день или полтора ѣзды.“

Выслушавъ отвѣтъ мужа, нойонъ недовѣрчиво улыбнулся.

— А сколько жителей въ ней?

Мужъ отвѣтилъ; дикарь рѣшилъ, что мы хвастаемъ передъ нимъ и перешелъ къ другимъ вопросамъ; онъ интересовался русскимъ царемъ, его министромъ и весь превратился въ слухъ, когда заговорили о монгольскомъ посольствѣ, пріѣзжавшемъ весною въ Петроградъ.

Разговоръ коснулся мѣстныхъ темъ. Нойонъ спросилъ съ кѣмъ изъ мѣстныхъ „большихъ людей“ мы ведемъ знакомство.

Мужъ назвалъ главныхъ чиновниковъ края.

Нойонъ одобрительно кивалъ головой и говорилъ.

— Такъ, такъ...

— А съ урядникомъ знакомъ? серьезно, послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ онъ.

Мы едва не засмѣялись ясно было, что онъ считалъ урядника главою русской власти въ краѣ Мужъ поспѣшилъ отвѣтить утвердительно, и разговоръ продолжался.

Передъ уходомъ жена нойона зашла въ нашу палатку и сѣла на мою походную постель. Она долго и внимательно разсматривала одѣяло, подняла его, пощупала простыни и углубилась въ разсматриваніе прошивки на наволокѣ.

Сопровождавшіе нойонскую чету сойоты и сойотки мало-по-малу заполнили нашу палатку и принялись безъ стѣсненія въ ней все перерывать. Нойонша принимала во всемъ дѣятельное участіе, такъ что я принуждена была позвать на помощь Гаврилу, который быстро и энергично поумѣрилъ ихъ пылъ.

— У васъ двѣ постели, заговорила нойонша, прибѣгнувъ къ помощи Жужела, продайте намъ одну.

Получивъ вѣжливый отказъ, съ указаніемъ на то, что вѣдь и насъ двое, она сосредоточила свое вниманіе на моихъ брезентовыхъ туфляхъ, знакомъ попросила снять одну взвѣсила ее въ рукѣ и, переговоривъ о чемъ-то съ приближенными сойотками, освѣдомилась, не найдется ли у насъ второй, ненужной пары.

Принужденная и въ этотъ разъ огорчить ее отказомъ, я быстро вытащила пакетъ съ англійскими булавками и отвлекла этой маленькой хитростью вниманіе дикарокъ; съ повеселѣвшими лицами онѣ принялись закалывать дыры на своихъ убогихъ халатахъ.

Получивъ отъ меня еще нѣсколько пустячковъ въ подарокъ, чета нойоновъ поднялась и прослѣдовала прежнимъ порядкомъ въ свою юрту.

Вещи наши были уже собраны и палатка снята, когда два сойотскихъ „начальника" принесли намъ отвѣтные подарки нойона: мужу мѣхъ лисы, мнѣ двадцать бѣлокъ.

Мы поблагодарили и вручили подателямъ ихъ по дешевенькому перочинному ножу. Они съ недоумѣніемъ вертѣли ихъ въ рукахъ, поглядывая на насъ, и весело закивали головами, сообразивъ, послѣ того, какъ мужъ, открывъ одинъ изъ нихъ, показалъ имъ ихъ назначеніе.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ вдоль красивой, живописной и извилистой рѣки Брени. Какъ змѣя поблескивала она на солнцѣ въ лѣсистыхъ берегахъ и бурно стремясь къ Малому Енисею. Послѣ цѣлаго дня утомительнаго пути, къ вечеру мы достигли устья Брени, у котораго расположена заимка домовитаго и всѣми здѣсь уважаемаго старовѣра Пимена Евграфовича.

Высокаго роста, длинноволосый, худощавый Пименъ, настоящій типъ крѣпкаго, хозяйственнаго сибирскаго мужика, глава многочисленной семьи, встрѣтилъ насъ у изгороди своей усадьбы.

— Милости просимъ, сказалъ онъ привѣтливо и громко крикнулъ бабамъ: ставить самоваръ.

Его просторная изба безъ крыши служила только зимой пристанищемъ для всей его обширной семьи, состоявшей изъ пятнадцати человѣкъ, а лѣтомъ почти всѣ размѣщались по клѣтямъ и амбарамъ.

Двѣ молодыя бабенки, жены его сыновей, засуетились у печи; жена его, полная женщина среднихъ лѣтъ, возилась у люльки недавно родившагося младенца. Пименъ солидно расхаживалъ, покрикивая на ребятишекъ и помогая намъ освободиться отъ дорожныхъ вещей и пыли.

— Ну, какъ живешь, Пименъ Евграфовичъ? заговорилъ мужъ, садясь на лавку.

— Да хорошо, баринъ, живемъ, жаловаться не приходится, ребятъ хоть отбавляй, хлѣба на всѣхъ хватаетъ, чего-жъ лучшаго желать? Вотъ слухъ идетъ нарѣзка по пятнадцать десятинъ на душу земли будетъ—и этого не боюсь, улыбнулся онъ, на одну мою семью сто пятьдесятъ десятинъ придется!

— А сойты тебя не обижаютъ, скотъ не воруютъ?

— Нѣтъ, съ сойтами я дружно живу; вотъ вчера три лошади отъ меня въ горы ушли, да ихъ мнѣ обратно тѣ же сойты приведутъ. У насъ здѣсь этого нѣту, чтобы лошадей воровать.

— А вотъ въ Сосновкѣ очень они жалуются, кивнувъ на рядомъ сидѣвшаго Гаврилу.

— Да, добавилъ тотъ со вздохомъ, сильно обижаютъ!

— Меня не обидятъ! отвѣтилъ Пименъ, самодовольно погладивъ бороду; какъ сойотъ что не по закону сдѣлаетъ, беру фунтовъ десять сахару, да четверть водки и ѣду къ мейрину (названіе сойотскаго исправника): тотъ дѣло сразу разберетъ, велитъ сейчасъ порядокъ навести, а коли не послушаютъ, такая лупка всѣмъ пойдетъ, что хоть изъ-подъ земли, а пропажу выищутъ!

— Коли-бъ и у насъ такъ, не было бы воровства такого! грустно заговорилъ Гаврила, а у насъ что жалуйся нойнону, что нѣтъ—конецъ одинъ: никогда пропажа не сыщется! А коли передъ нимъ сойотъ провинится, лупитъ его по щекамъ безъ милосердія: шугай возьметъ, да такъ хлещетъ, ажно кожа на щекахъ лопается!

— Что за шугай такой?

— А это у нихъ изъ толстой кожи такіе ремни сшиваются, да для тяжести еще песокъ между ними сыплютъ, чтобы нойону тамъ или мейрину рукъ объ сойотскую морду не марать!

— Тутъ только мы поняли всю трусость и нерѣшительность Жужела передъ грозными очами хотя и не своего повелителя.

Вечеромъ, когда легкія сумерки опустились на землю, Пименъ предложилъ пойти на Брень половить рыбу. Мы съ радостью согласились.

На берегу рѣки насъ ждала валкая, замѣчательно легкая лодка—долбленка изъ тополя; она накренялась при малѣйшемъ движеніи, грозя черпнуть то однимъ, то другимъ бокомъ. Кромѣ насъ сѣли въ нее: самъ Пименъ, нашъ сойотъ, и двое дюжихъ мужиковъ. Они ловко и проворно направляли лодку, боряеь съ быстрымъ теченіемъ горной рѣки, на шиверу (такъ называютъ здѣсь каменныя отмели посреди рѣки) и добравшись до нея, высадили насъ, предоставляя намъ быть только благородными свидѣтелями ихъ ловли.

Я скоро убѣдилась, что мѣра эта оказалась далеко не лишней: каждое движеніе, каждый шагъ были разсчитаны и малѣйшая неловкость съ чьей либо сто-

роны могла не только испортить все дѣло, но и повести къ катастрофѣ.

Мнѣ предоставляли только вынимать серебристую, плещущуюся форель и харіусовъ изъ сѣти, что доставляло мнѣ большое удовольствіе; какъ-то азартъ разгорался въ душѣ при видѣ извлеченной изъ воды добычи; то же чувство долженъ, вѣроятно испытывать картежникъ, выигрывая крупные куши во время азартныхъ игръ.

Домой вернулись всѣ, когда совсѣмъ стемнѣло; Пименъ и его помощники были мокры съ головы до ногъ; вода такъ и булькала въ ихъ широкихъ, сойтскаго покроя, сапогахъ; они выливали ее какъ изъ кувшиновъ.

Молодая сноха его проворно очистила рыбу, сжарила и подала на ужинъ. Удивительной нѣжностью и вкусомъ отличается обитатель прозрачныхъ студеныхъ горныхъ водъ—харіусъ!

Рано утромъ все зашевелилось на заимкѣ Пимена; дворъ огласился самыми разнообразными голосами: кричали ребятишки, мычали телята и блеяли козы, выгоняемые на поскотину (пастбище); изрѣдка переругивались бабы и слышался отчаянный младенческій ревъ; властный и степенный голосъ Пимена покрывалъ всѣ эти звуки: онъ готовилъ лодку для переправы насъ на ту сторону Малаго Енисея.

Закусили неизмѣнными шаньгами и блинами, наскоро выпили по стакану молока и поѣхали къ берегу рѣки, привольно и быстро катившей свои могучія воды.

Тамъ ждали насъ два сына Пимена; они быстро

нагрузили вещи на долбленку, служившую намъ накануне для ловли рыбы и перевезли насъ на противоположный берегъ.

— А какъ же коробокъ и лошади? спросила я, съ недоумѣніемь глядя назадъ и не видя никакихъ иныхъ приспособленій, кромѣ все той же злосчастной долбленки.

— А вотъ мы сейчасъ переплавимъ и коробокъ, а лошади вплавь пойдутъ, отвѣчали весело мужики.

У меня морозъ пошелъ по тѣлу.

— Коробокъ на этой лодченкѣ?!

— А такъ! Коробокъ съ колесъ снимемъ и перевеземъ, а потомъ и колеса съ другими вещами пойдутъ!

Мы съ интересомъ слѣдили за необычайной картиной, разыгрывавшейся передъ нашими глазами.

Пименъ командовалъ и распоряжался на томъ берегу, пока перевозили вещи, но переправу лошадей онъ не довѣрилъ никому: взявъ въ руки недоуздки трехъ нашихъ коней, онъ прыгнулъ въ лодку и, стоя во весь свой могучій ростъ, вннмательно и умѣло поддерживалъ и подтягивалъ вверхъ головы плывшихъ лошадей. Они громко храпѣли, борясь съ быстрымъ, сносившимъ ихъ теченіемъ.

Съ облегченіемъ вздохнули мы, увидѣвъ, что они вступили наконецъ на твердую почву.

Мужики уже хлопотали собирать вновь нашъ экипажъ.

Чреезъ четверть часа все было готово и Пименъ съ сыновьями пожелали намъ счастливаго пути.